Государственная премия РСФСР имени М. Горького

Николай Доризо

ПОКА ДЕРЕВЬЯ ЕСТЬ НА СВЕТЕ

Постановлением Совета Министров РСФСР
поэту Николаю Константиновичу Доризо
за стихи и песни последних лет,
опубликованные в книгах «Пока деревья есть
на свете», «Я сочинил когда-то песню»,
присуждена Государственная премия РСФСР
имени М. Горького 1981 года.

Николай Доризо

ПОКА ДЕРЕВЬЯ ЕСТЬ НА СВЕТЕ

стихи, поэмы, песни

Москва
«Советская Россия»
1984

Р2
Д68

Художник **Л. Ф. Шканов**

Доризо Н. К.

Д68 Пока деревья есть на свете: Стихи, поэмы, песни.— М.: Сов. Россия, 1984.— 304 с., 1 л. портр.— (Лауреаты Гос. премии РСФСР им. М. Горького).

Переиздание стихотворных произведений известного поэта Николая Доризо, удостоенных Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

Д $\frac{4702010200-203}{М-105(03)84}$ 187—84 Р2

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Товарищи мои,
Солдаты фронтовые,
Мы были в те года
Такие молодые.

Болит свинец в груди.
И все же,
сам не знаю,
За что я те года
Так нежно вспоминаю?

Мы спали в блиндажах,
И пули нас будили,
Но, мальчики мои,
Счастливыми мы были.

В завьюженной степи
Холодной ночью мглистой
Мы грелись
не костром,
А дружбой бескорыстной.

И если я теперь
Чего-нибудь и стою,
Обязан
тем годам
Душевной добротою.

Не так уж много нас,
Да и к тому ж мы седы.
Встречаться мы должны
Не только в День Победы.

*   *   *

О, военные поезда,
Людные,
Откровенные,
Отошедшие навсегда,
Как года
Военные.
В час бомбежки
В кромешном аду
Так я ждал
Вашей скорой помощи!
И цеплялся
                за вас
                        на ходу,
За железные
                ваши поручни.
Как в ушко,
Пролезая в вагон,
Спал я стоя
В прокуренном тамбуре,
Находилось всегда,
Как закон,
Место мне
В кочевом
                вашем таборе,
Находились всегда
Для меня
На каком-то разъезде
Мелькающем
Полка верхняя,
Искра огня
Из кресала
Солдата-товарища.
Кто-то сало

Протягивал мне,
Кто-то спиртом
Делился по совести.
На войне
я был,
Как на коне,
Если ехать случалось
на поезде.
Не имеют
стоп-кранов
Года.
Лишь работает память,
Как рация.
Время гонит
Свои поезда.
Где вы,
те обожженные станции?
Где вы те,
С кем в людской толчее
Недовстретился я,
Недообнялся?
Как нужны вы
Бываете мне
В толчее
недовольной
Автобуса.
О, военные поезда,
Людные,
Откровенные,
Отошедшие навсегда,
Словно годы
Военные!
Вы меня
Научили тогда
Верить той

Человеческой помощи.
Можно жить
Не минуту —
Года,
Только б крепче
Схватиться
за поручни.

СОЛДАТСКИЕ ПРАЧКИ

Вы с нами делили
Нелегкие
Будни похода,
Солдатские прачки
Весны
сорок пятого года.
Вчерашние школьницы,
Мамины дочки,
Давно ль
Полоскали вы
Куклам
платочки?
А здесь,
у корыт,
Во дворе госпитальном
Своими ручонками
В мыле стиральном
До ссадин
больных
На изъеденной коже
Смываете
С жесткой
солдатской
Одежи

Кровавую
потную
Глину
Большого похода,
Солдатские прачки
Весны
сорок пятого года.
Вот вы
предо мною
Устало
стоите.
Вздымается
Дымная пена
В корыте...
А первое
Мирное
Синее небо —
Такое
забудешь
едва ли —
Не ваши ли руки
Его постирали?

* * *

Когда я думаю
Об Армии моей
В дни торжества шестидесятилетья,
Когда хочу
Весь путь ее
Воспеть я,
Невольно вижу
Кремль
и Мавзолей.

Со всей земли
К нему течет
Людская Волга
На свет
кремлевских
Путеводных звезд.
У Мавзолея
Самый главный пост,
Как вечный символ
Воинского долга.
Как будто
Все советские войска,
Пройдя свой путь
Под Знаменем Победы
От русского
каленого штыка
До меткой
Баллистической ракеты,
Пришли сюда
И стали в караул,
Как изваянье
Доблести солдатской,
И я ловлю
Сражений дальних гул,
Что к нам летит
С полей войны гражданской,
На тех полях
под Нарвой
родилась
Та Армия
Великого народа,
Что встала грудью
За родную власть
В сраженьях
Восемнадцатого года

И пронесла
Сквозь годы
Алый стяг,
Светивший в битвах
Всем ее солдатам,
Чтоб водрузить
В победном
сорок пятом
Тот ратный стяг
На вражеский рейхстаг.
Когда я вижу
Часовых-солдат,
Которые навеки,
Не старея,
Застыли
на посту
У Мавзолея,
Я вспоминаю
Воинский парад —
Парад Победы,
Праздник торжества.
Цветами
Разукрашена Москва.
По Красной площади
Идут
бойцов колонны.
Пыль всей Европы
На подошвах их,
И падают
Фашистские знамена
К ногам
Державных
этих часовых.
Парад Победы —
Праздник торжества,

Он будет жить
В сердцах всех поколений.
Он
   подтвердил,
Что ближе нет родства,
Чем наша Армия
И Ленин!

СНЫ

1

Мне двадцать лет.
Гремит трехтонка.
Со мною
          в кузове
                    девчонка.
Вокруг
          смертельная война.
Навстречу нам
Грохочут взрывы.
А я беспечный
                    и счастливый...
И вдруг
          внезапно —
                    тишина.
И пенье птицы
                    почему-то,
И почему-то
          в окнах
                    утро...
И сна
          засвеченная пленка.
Засвеченная пленка сна.

2

Себе я снился молодым.
Проснулся
и не шелохнулся.
Себе я снился молодым
И все не верил,
что проснулся.
А может, это был не сон?
А то,
что я проснулся,
снится?
Мне снится утро,
Тихий звон
Дождя.
Кто может поручиться,
Что пробуждение
не сон?!

ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Он,
Как вершина горная,
седой.
Старик —
Могучий гений долголетья.
Не покидал
аул он отчий
свой —
Подумать только! —
Полтора столетья.

При Пушкине
Уже был взрослым он.

Мог бы обнять его
Вот этими руками.
Все человечество
Далеких тех времен
Ушло с планеты.
Он
    остался с нами.

...Вхожу с почтеньем
В тот спокойный дом,
В ту вековую
Тихую обитель...
И, как ни странно,
Думаю о том,
Что, может быть,
Я больший долгожитель.

Хотя бы тем,
Что выжил на войне,
Такой,
        что не бывало на
                                планете.
И это
        по своей величине
Не менее,
            чем жить века на
                                свете.

На Капри
            лето
                я встречал
                        зимой,
А в тундре
            зиму
                первого апреля.

На тыщи верст
Помножьте возраст мой,
Ведь расстоянье —
это тоже время.

И потому
я старше,
чем старик,
Задумчивый
ребенок
долголетья,
Не оставлявший
Горный свой Лерик
Не год,
не два,
А полтора столетья.
Я старше
на моря,
на города,
На трудные
и легкие
маршруты.
Не на года,
Я старше на минуты,
Что, может, больше стоят,
Чем года.

ЮМОР

Когда враг
Нас бомбил у Познани,
Бил
На бреющем
Из пулемета

И, как вши,
Под рубахою
Ползали
Капли
Холодного
Пота,
Вот тогда
В это пекло
И крошево
Приходил он на помощь
По-братски
Незаметно,
Незвано,
Непрошено,
Русский юмор,
Наш юмор
Солдатский.
В села Керченского полуострова
В дни гудящей
Железной осады
С неба низкого,
Грубошерстного
Он бросал
Нам на помощь
Десанты.
Парашюты,
Как одуванчики,
На ладони,
На плечи
Садились,
И частушки
Взлетали,
Как мячики,
И наивные шутки
Шутились.

Враг входил
За селеньем в селение,
Но хребет
Не сломал он Кавказский.
В плен
Не взял он
В своем наступлении
Русский юмор,
Наш юмор
Солдатский...
И за проволокою
За колючею,
Где овчарки
Не шли,
А стелились,
По любому
Пустячному случаю
С непонятною силой живучею
Наши русские шутки
Шутились.
И в Берлине,
Охваченном пламенем,
На простреленном нами
Рейхстаге,
Рядом
С нашим
Отеческим знаменем
Русский юмор
Раскрыл
Свои флаги.
Да!
Делили мы
Корки последние.
Да!
Рвались под ногами

Снаряды.
Но при этом
Писались
Комедии
Даже в дни
Ленинградской блокады.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Василию Сергеевичу Рябову

Крестьянский сын,
Он не был
хил и слаб,
Седьмой по счету
Розовый ребенок,
Что улыбался матери
спросонок,
Когда ему давали
Хлебный кляп.

Рот перепачкан
белой кашей манной,
Поскольку нянек
Не было в дому.
А вместо люльки
Ящик деревянный,
Который очень
Нравился ему.

Когда ж
с рассветной,
весело горящей
Весенней ранью
в степь
семья идет,

Задвинет мать
Под лавку
этот ящик,
А сын
в нем
воздух
Ножками стрижет.

Котенком
шаловливым
копошится,
Сосет свой кляп,
в раздумье погружен...
Под вечер
мать
Вдруг ахнет,
всполошится:
— Как там Васятка?
Не задохся он?!

А он,
Васятка,
Дремлет
беспечально,
Невозмутимо
улыбаясь ей...
Клянусь,
он улыбался
не случайно
Улыбкой
дальновидною
своей.

Да!
Вместе с Революцией
рожденный,

Мальчишка
улыбался
в те года
Тому,
что генеральская звезда
По праву
ляжет
на его погоны,

Тому,
что будет
нами
взят Берлин
И он
тех легендарных битв
участник,
Тому,
что встретит он,
крестьянский сын,
Как победитель
нашей славы праздник.

Он неспроста
улыбчиво
дремал,
Как будто знал —
За ним
и власть
и сила.
Как будто
Революция сама
Его
улыбкой этой
осенила.

* * *

Быть танкистом,
Пожалуй, мне не по годинам,
Опоздал
для учебных атак,
Но
недавно
Участники штурма Берлина
Мне,
поэту,
Доверили танк.
Выжимаю сцепленье
Движеньем несмелым.
Двинул с места,
Рванул —
И пошел!
Ощущая
упрямым
Натруженным телом,
Как он легок
И как он тяжел.
Нажимаю с трудом
Рычаги поворотов,
Сразу юным солдатиком став,
Тем полпредом страны,
Чья святая работа
Впереди
пограничных застав.
Это место по мне,
Это место поэта,
Здесь не числю себя в запасных...
Если б так
На моем полигоне
с рассвета

Мощно двинуть
Свой завтрашний стих.
Чтоб сработало
Рифмы стальное сцепленье,
Чтоб в движение фразы врасти
И чтоб самое точное взять
направленье,
Меткость мысли своей обрести.
Вот зачем
Рычаги управления эти
Вы, гвардейцы, мне дали
Пусть только на миг.
Где б я ни был,
И сколько б ни жил я на свете,
Вы считайте —
Я ваш призывник!

КРАЙ ГОТОВНОСТИ ПОСТОЯННОЙ

Засекреченный,
безымянный,
Ты в военную форму одет,
Край готовности
постоянной
Верных долгу сердец
и ракет.
Ты в просторах России
затерян,
Скрыт ты
в дымном
метельном снегу.
Каждый винтик мотора
проверен,
Каждый твой автомат — начеку.

Я люблю
твою строгую скромность,
Не грозящую миру войной.
Я твою боевую готовность
Ощущаю всегда за спиной
И горжусь
твоей силой охранной...
Но не только лишь эта
земля,—
Край
готовности
постоянной,
Ты везде,
где Отчизна моя!

ПЕСНЯ О БДИТЕЛЬНОСТИ

Доблестным воинам гвардейской танковой Уральско-Львовской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова добровольческой дивизии имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского посвящаю

Что такое бдительность
В танковых частях?
Бдительность —
Не мнительность,
Бдительность — не страх.
Бдительность —
готовность
По команде
к бою,
Бдительность —
вождение

Танка
под водою.
Трасса
в минном поле.
Зоркий глаз прицела,
Первое препятствие,
Взятое умело.
Нет, не подозрительность,
Не боязнь чего-то,
Для солдата
бдительность —
Вся его работа:
От подъема раннего
До минут отбоя,
Даже сон солдатский,
Что на грани боя.
Пояс,
ладно пригнанный
К боевой шинели,—
Это тоже бдительность,
И притом на деле.
Бдительность —
присяга.
Бдительность —
отвага.
Подтверждаем
бдительность
Мощным громом шага.
Потому что армия
От полка
до взвода —
Самая священная
Бдительность народа!

* * *

Реактивные летчики —
Люди честной
Отваги,
Я люблю ваши росчерки
На небесной
Бумаге.
Спят,
Прохладой умытые,
В блеске утреннем
Чащи,
По-отцовски
Укрытые
Вашим небом гремящим,
Как вы все
Независимы
От пустячного быта,
Не мелки,
Не завистливы -
Жизнь,
        как небо,
Открыта.
Люди вы
            настоящей,
Проверенной дружбы,
Каждый день
                    состоящей
У службы
            на службе.
Я такими
            увидел вас
В доме том белостенном,
В вашем летном училище,
В общежитье военном,

Где кубинцы
с поляками,
Немцы,
чехи,
вьетнамцы,
В доме,
убранном флагами
Наших дружеских наций.
И слежу я внимательно,
Как поют югославы,
Как вьетнамец
старательно
Бреет сына Варшавы.
Пусть не знаю я
сербский
И вьетнамский язык,
Знал когда-то немецкий,
Но забыл,
но отвык,
Не нужны переводчики,
Словари не нужны,
Чтоб понять
Ваши почерки,
Реактивные летчики,
В небе
Нашей страны.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Полустанок степной,
Что в окне,
у виска.
И навстречу
экспресс —

«Севастополь — Москва».
А с подножек экспресса,
Хлынув
            в сумрак ночной,
Разбежались
                        матросы
Волна
          за волной.
Замелькали тельняшки,
Стала ночь
                      весела,
Будто
          белая пена
Перрон
          обдала.
Сразу
          югом
                    дохнуло.
Юный,
          шумный такой.
Он пришел,
                    словно праздник.
Этот поезд морской!
Но, подножки вобрав,
Будто поднятый трап,
Отошел он,
                    ушел,
Как военный корабль.
Стало пусто и тихо
И обидно до слез,
Будто
          Черное море
Он
    с собою
                увез.

«НАЧАЛЬНИК ГОСТИНИЦЫ РЯДОВОЙ ИВАН ТРУБА»

Не стихотворная строка,
Не заголовок
надпись эта
Прибита к двери кабинета,
Где вход в гостиницу полка.
А утром
строгий тот начальник,
Добротный,
плотный паренек,
Принес мне в номер дымный чайник
И печь усталую разжег.
Немногословен в разговоре,
Как чин начальственный велит,
Он пол надраил в коридоре,
Посмотришь –
душу веселит!
Он сам себе дает заданья,
Закрыв служебный кабинет,
Поскольку в штатном расписанье
Ни замов,
ни уборщиц нет.
Сокращены предельно штаты,
Он на гостиницу один.
Куда-куда,
а в бюрократы
Его зачислить нет причин.
Слежу,
как трет он умывальник...
А ведь, по сути, дело в том:
Я тоже
сам себе начальник
За давним письменным столом.

И мне б
от фразы и до фразы,
Чтоб день за днем
вести свой стих,
Вот так
давать себе приказы
И выполнять железно их.
И нету
большего предела.
И нету
большей высоты
Не в том ли счастье —
сделать дело.
То,
что наметил на день ты!
Вода вкусна,
и хлеб твой сладок,
И хороша твоя судьба,
Лишь наведи во всем порядок,
Как рядовой Иван Труба.

* * *

Если б не было войн на планете,
Не грозила бы странам вражда,
Я бы будни армейские эти
Все равно
сохранил
навсегда.
Сохранил бы
для жизни гражданской,
Что придет
после службы
к бойцу,

И порядок
казармы солдатской,
И увесистый шаг
на плацу.
Не для канувших в Лету
сражений,
Сохранил бы
для мирных работ
Пот
Нелегких военных учений,
Лень и праздность
смывающий пот.
Сохранил бы я
без измененья
День солдатский —
подъем и отбой,
В расписании для самомненья
Нету в нем
ни минуты одной.
Как отец,
сохранил бы любовно
Для тебя,
мой единственный сын,
Школу высшую —
беспрекословно
Подчиняться приказам старшин,
Маршировок дневную науку
И по дому вечернюю грусть,
С той далекой девчонкой разлуку
Сохранил бы
для верности чувств.
Сохранил бы любую подробность,
Вплоть до песни
в походном строю.

Сохранил бы
святую готовность
Жизнь отдать за Отчизну свою.
Пусть не будет
кордонов
и войн,
Ни единого в мире врага,
Но пускай
он останется,
воин,
Как Отечества сын —
на века.
Чтоб почтенные лауреаты,
Чтоб вожди
в государстве моем
Начинали бы жизнь,
как солдаты,—
Это им пригодится потом.

ФОТОГРАФИЯ

Прага.
Лейтенант-освободитель,
(Этот снимок
Вспомнился опять.)
Шесть медалей
Украшают китель,
А в улыбке —
вся Россия-мать!
Толпы
благодарного народа
Окружают радостно его.
Очень уж похож он на кого-то,

Не могу припомнить —
                    на кого.
Ну а может, вспоминать не надо,
Потому что он похож,
                    родной,
На любого нашего солдата.
Ведь, по сути,
Мог им быть
Любой.

ПОСМЕРТНЫЕ СТИХИ ОРЛОВА

Посмертные стихи Орлова,
Те,
   что держал в столе поэт.
Его мальчишеское слово
Шло
     к людям
              тридцать с лишним лет.

Читаю...
         Жарко встрепенулись
Года
      военные
              во мне.
Мы все давно
              с войны вернулись,
Стихи
       остались
                на войне.

Они
     доверчивы
               и строги,

Чисты,
наивны
и мудры,
Стихи —
солдаты
той эпохи,
Неповторимой той поры.
Посмертные стихи Орлова.
От них теплее на земле.
Как он судил себя сурово,—
Их
столько лет
держал в столе.

Заметка
с траурной каймою —
Вступленье краткое к стихам.
Какою страшною ценою
Они
известны
стали
нам.

ФИНСКАЯ ПРИТЧА

Отец и мать
Проплакали глаза —
Глухонемым
Их мальчик родился!

Ел за троих,
Крепчал,
Мужал
И рос,

Но хоть одно б словечко
Произнес.

Его возили в город
К докторам,
Искали знахарей
По хуторам.

Ни медицина
И ни колдовство
Не исцелили
Немоты его.

Мать исхудала,
Извелась вконец,
И раньше срока
Сгорбился отец.

А он молчал.
Спал ночью
крепким сном,
Ел за троих
И рос богатырем.

И вот однажды
В дом вбегает сын:
— Беда!
Скорей!
Скорей!
Горит овин!

— Заговорил!
Случилось чудо с ним!
— И прежде
Не был я глухонемым.

— Но почему
Молчал ты
столько лет?
— Что говорить,
Когда причины нет.

Хватало мне
Одежды
и еды,
Судачить с вами
Не было нужды.

Поэзия!
Коль нет больших причин,
Умей молчать,
Как этот мальчик-финн.

* * *

Сказал мне кандидат наук:
Зимой ли,
вешнею порою
Прикосновенье
добрых рук
Деревья
чувствуют
корою.
Когда же тот,
кто к ним жесток,
Едва лишь
к дереву
подходит,
Как импульс,
беспокойный сок

В стволе
вибрирует,
не бродит.
Я сердцем чувствую —
он прав,
Я глажу ствол березки тонкий...
О как легко
сломать сустав
Ее доверчивой ручонке.
Очеловечиваем боль,—
Мол, только боль
людская
плачет...
Я понял,
что такое значит
Нечеловеческая боль.

ДОБРОТА

Доброта
Порою,
как лосенок,
Что забрел доверчиво
В поселок.
Смотрит,
улыбается народ.
Даже те,
кто убивает зверя.
На него глядят,
Глазам не веря,—
Он ведь сам
Навстречу им идет.
Глупенький,
На тонких ножках длинных,

Ты не знаешь
Хитростей звериных
И не можешь
Обмануть картечь.
Я и сам
Лукавить не умею...
Верю,
        беззащитностью своей
Ты себя сумеешь уберечь.

ПОДВИГ

Отчизна!
            Я горжусь тобою,
Запасом
            животворных сил,—
Взят полюс
                неприступный
                                с бою,
Тот бой со льдом
                        нелегким был.
Но, может быть,
                        еще трудней
Другой твой подвиг благородный
Идти
        к вершинам
                        мирных дней,
Ломая льды
                «войны холодной»!

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЕЙ

В. П. Поляничко

Этот город базальтовый,
Плиты
мраморных кладок —
Сын
залетных,
брезентовых
Комсомольских палаток.

Тех палаток,
что во поле
У костров,
на привале
Шумно крыльями хлопали,
Нас
в метель
согревали.

Скверы
и учреждения,
Катер
мчится
к причалу,
Это все —
продолжение.
Честь и слава —
началу!

До последнего донышка
Дней
все будет в порядке,

Лишь бы
жизнь
начать
с колышка
Комсомольской палатки.

ЧЕЛОВЕК

Он бы давным-давно исчез
И потерял свое начало,
Когда б от всех живых существ
Его одно не отличало.
Он привыкает ко всему —
Удача,
боль
или утрата.
Привык же
человек
к тому,
Что человеком
стал когда-то.

* * *

Леса редеют,
и мелеют реки,
Ведь это все не наше,
а его —
Того,
кто будет жить
в тридцатом веке.
Легко
потомка грабить своего.

Ты не поможешь,
кто ему поможет,—
Ведь за себя
он постоять не может.

* * *

В дни электрона
и металла,
Как благо,
каждое растенье.
В наш век
любовь к природе
стала
Инстинктом самосохраненья.

РАЗГОВОР НЕМЫХ

О, разговор немых
В метро
или на рынке.
Красноречивы
их
И взгляды
и морщинки,
Движенья
быстрых фраз
И тайна
их значенья,
Восторги
детских глаз,
Счастливых
от общенья.

О, разговор немых.
Так зрим он
                    и подвижен,
Что каждый возглас их
На расстоянье слышен,

О, разговор немых.
Он так же безыскусствен,
Как речь берез лесных,
То радостен,
                    то грустен,
Как трепет облаков
В день ясный
                    и ненастный...
Есть что-то больше слов,
И в чем-то
                мы
                    безгласны.

*   *   *

Приветственно,
                    исконно,
                                по-хорошему,
Уж он таков,
                обычай деревень,
Старик словак
                    мне,
                        пришлому прохожему,
Сказал при встрече
                            первым:
                                    «Добрый день!»
И сразу стало на душе теплей.

Природа
учит доброте
людей.

* * *

Нагой дикарь
В набедренной повязке.
Тысячелетья
Не читал он книг,
Читает он
Своих закатов краски,
Любой оттенок
Замечая в них.
Он понимает
Запахи и звуки,
Движенье трав,
Звериный
хитрый след,
Пигмей —
Наследник дедовской науки,
Которой тоже,
Может, тыщи лет.
В своем лесу
Он знает все листочки,
Дитя природы,
С детства он постиг,
Быть может,
Величайшую из книг,
В которой мне
Не прочитать и строчки.
Я не расист.
Не буду им
Вовеки.

Я,
    как о брате,
Думаю о нем.
Да,
    он дикарь
В моей библиотеке,
Но я
    дикарь
В его лесу родном.

* * *

Все реки
        высохли давно бы
И превратился б воздух
                    в яд.
Деревья
        Азии,
            Европы
Людей
    от гибели
            хранят.
Вдыхают гарь
            и смрад машинный,
Чтоб на себя удар принять.
Они нас любят,
            как дельфины.
За что?
        Никак мне не понять.

* * *

Бывает радости минута,
Минута счастья —
никогда,
Поскольку счастье —
не минута,
Не миг,
а все твои года.
Оно не делится на части,
Весь миллион оно —
не грош.
Нет
на земле
другого счастья,
Чем то,
что ты на ней живешь.

ГАЗЕТА ДНЯ РОЖДЕНЬЯ МОЕГО

Я отыскал в библиотечном фонде
Газету
дня рожденья моего.
Был мир горяч,
тревожен
как на фронте,—
Таким
в то утро
я застал его.
«В Париже,
в Праге,
В Риме забастовки...»
«В Егорлыке над кулаками суд...»

Как брызги шторма,
Эти заголовки
Меня
из той эпохи
обдают.
В Германии,
По сообщеньям РОСТА,
Фашистская крысиная возня...
И лишь одно
Невероятно просто,
Что этот мир
в расчет не брал меня.
Мое рожденье
Для него не дата.
Газета
вышла
в день рожденья моего,
Как выходила
за день до того,
Как выйдет
без меня
Лет через сто
когда-то...
Что ж,
может быть,
так легче умирать,
В событьях дней великих
раствориться...
Всего себя,
как малую частицу,
Отдать эпохе.
Родине отдать.

НАКАНУНЕ

Я все время живу
Накануне чего-то:
Накануне строки,
Накануне полета,

Накануне любви,
Накануне удачи...
Вот проснусь я —
И утром все будет иначе.

То, что в жизни имел,
То, что в жизни имею,
Я ценить не умел
И ценить не умею.

Потому что все время
Тревожит забота,
Потому что живу
Накануне чего-то.

Может, я неудачник
С неясным порывом,
Не умеющий быть
И от счастья счастливым?
Но тогда почему
Не боюсь я обиды,

Почему все обиды
В минуту забыты?
Я им счет не веду.
Наплевать,

Не до счета —
Я все время живу
Накануне чего-то.

* * *

Георгию Гулиа

Чем отличается
корявый
этот сук
От дивного
скульптурного творенья?
Прикосновенье человечьих рук,
Порой
всего одно
прикосновенье.
Не создавай все заново,
о нет!
А лишь коснись натуры,
словно Эрзя,
Самой природе,
если ты поэт,
Как подмастерье
мастеру
доверься!

* * *

Молчат
во мне тома стихотворений,
Мучительно
молчит во мне
мой труд.

Стихи
годами
ждут
своих мгновений,
Ждут нужных слов.
А годы все идут...
Своя галактика
есть в каждом человеке.
Есть чувства,
не подвластные словам.
Толстой и тот
с собой унес навеки,
Быть может, больше,
чем поведал нам.

* * *

О, как я
без работы
одинок
С веселым другом,
с женщиной любимой,
Потребностью влеком
необъяснимой,
Неутолимой жаждой
новых строк.
В себе так жалко не уверен я,
Как будто вправду
и гроша не стою.
Печатная фамилия моя
Мне
на обложке
кажется чужою.

Я мнителен.
Какого же рожна
Вдруг
я себя
нисколько не жалею,—
Так от строки внезапной
ошалею,
Что с нею
даже смерть
мне не страшна.
Я каждый день
перед собой в долгу.
Где мой предел,
конечная граница?
Пусть не могу я
больше, чем могу,
Но как на меньшее
живому согласиться!

САМОДОВОЛЬСТВО

Самодовольство.
Что ж,
скажет любой —
Это
мещанство,
зазнайство.
А знаешь,
Славлю
самодовольство —
довольство собой,
Если
доволен собою
так редко
бываешь.

Дело отнюдь не в пустой похвальбе,
Мы
  похвальбе
    предаваться
    не будем.
Как трудно
    понравиться,
      хоть на минуту,
        себе,
Значительно легче
      понравиться
        людям.

* * *

О, вековечная сила
Привычки
К месту
  в столе,
Где положены
Спички,
К лампе настольной,
К обоям домашним,
К этим —
  на коврике —
Туфлям вчерашним.
К месту
  на пляже,
Где лег ты однажды.
Даже
  в пустыне
К беспамятству жажды.
Можно привыкнуть
К палате больничной,

К мысли о смерти
Такой непривычной,
К боли,
Когда
не вздохнуть
И не крикнуть,
Только вот
к старости
Трудно
привыкнуть.

* * *

Он сын поэта,
что любим
Народом нашим благодарным,
Что умер
дерзко молодым,
Красивым,
звонким,
легендарным.
Ему уже немало лет.
Морщинист,
близорук
и сед.
Устало щурятся глаза.
Сидит,
судьбой в наш день заброшен,
Как старость
гения-отца,
Та,
до которой тот
не дожил.

* * *

И. Чобану

Друзья,
хотите чуда?
Вот оно.
На Севере,
снегами
занесенном,
В бочонке,
издалека
привезенном,
Вдруг
забродило
южное вино,
Тревожно,
непонятно,
невпопад,
Почувствовав
однажды
утром вьюжным,
Что где-то там
в садах
под солнцем южным
Расцвел
в родной Молдове
виноград.
Неужто впрямь
ему
Отчизна
снится
И теплое дыхание ее?..
Откуда
это дивное чутье?

Зов
той земли,
которой
ты
частица.

* * *

Есть город,
один он такой на земле.
В том городе
даже подростки-мальчишки
Доныне
от пап и от мам
понаслышке
Зовут за глаза
меня
Колей
в семье.
И сам я не тот,
да и город не тот.
А в нем
до сих пор
мое детство
живет.

* * *

Вдруг
в скалистых
окрестностях Осло —
березка!

Я ее
россиянкой
считал,
Потому что впервые
в России
В раннем детстве
ее увидал.
А норвежец,
запомнивший детство свое,
Скандинавкой
считает ее.
Он с ней рос
в этом домике у полустанка...
Как его убедить,
Что она россиянка?

* * *

У каждой нации
В душе
такое есть,
Что на другой язык
Не перевесть.
Хоть кепка
отличается от фески,
Я мог бы
по-турецки говорить
И даже думать.
И кальян курить,
Но чувствовать
не мог бы по-турецки.

* * *

Благополучными
Не могут быть поэты,
И разлюбив,
И снова полюбив.
Стихи
        напоминают взлет ракеты:
Чтобы взлететь ракете,
Нужен взрыв.
К тому ж она ступенчата,
                                        ракета,
Лишь потому ракета и летит.
Ступени бед,
Потерь твоих,
Обид —
Ее носители.
Поэт,
        запомни это.
Но вот она достигла высоты.
И отделились
                    от нее ступени.
Сгорели
            и исчезли в дымной пене.
Летит ракета.
Значит, счастлив ты!

* * *

Мысль начинается
                        не с мысли.
А с чего?
С неизъяснимости
                        волнения первичной,

С обиды,
с гнева, с нежности обычной.
У мысли с чувством
кровное родство.
Холодный ум,
он вовсе не велик,
Мысль чувственна,
и тем она прекрасна,
Лишь в муках чувства
вдруг,
в какой-то миг,
Рождается ребенок мысли ясной.

* * *

Александру Ивановичу Копытину

Выходит
возраст мой
на линию огня.
Как дом с порога,
Как роман с пролога,
Газету начинаю с некролога.
Живых
друзей
все меньше
у меня.
Выходит возраст мой
на линию огня.
Так
високосный год мой
начался.
Друзья уходят,
остаются жены

И те ж,
без измененья,
телефоны.
Все те же цифры,
но не голоса...
Так
високосный год мой
начался.
Чужая смерть
страшна мне,
как своя.

И, расставаясь
у могилы
с другом,
Как ни грешно,
я думаю с испугом,
Что сам умру
когда-нибудь и я.
Чужая смерть
страшна мне,
как своя.

Есть только вечность —
вечной славы нет.

И даже вы,
бессмертные поэты,
В конечном счете
смертны,
как планеты,
Как солнце —
через сотни тысяч лет.
Есть только вечность —
вечной славы нет.

Ко мне пришло
мое начало дня.

Пока живу,
я все-таки бессмертен,
Хотя бы тем,
что вновь
забыл о смерти.
Есть мысль,
есть труд,
есть слово у меня,
И возраст мой на линии огня.

* * *

О, как ты поздно,
молодость,
пришла.
Почти на тридцать лет
ты опоздала.
Всю жизнь мою
тебя мне не хватало...
О, как ты поздно,
молодость,
пришла!
Зачем пришла ты
именно теперь,
Зачем так жадно
чувствую тебя я,
Не только обретая,
но теряя,
Как самую большую
из потерь!
Я вроде был когда-то молодым.
Но мог ли быть я
молодым когда-то

Так истово,
так полно,
так богато,
Как в эти годы
ставши молодым!..
Познавший цену
радостям земным,
Изъездивший почти что всю планету,
О молодость,
лишь только мудрость эту
Могу назвать я
именем твоим!
Готов я бить во все колокола,
Приветствуя строкой
твое явленье.
Моя ты гибель
и мое прозренье,
О, как ты поздно,
молодость,
пришла!

ВДОВА

Елене Сергеевне Булгаковой

Мало
иметь
писателю
Хорошую жену,
Надо
иметь
писателю
Хорошую вдову.
Мне эта горькая истина

Спать не дает по ночам.
«Белая гвардия» издана,
Вышли «Записки врача»,
«Мастер и Маргарита»,
«Бег»,
«Театральный роман»...
Все,
что теперь знаменито,
Кануло б в океан.
Вы понимали,
с кем жили.
Русский поклон вам земной!
Каждой
строкой
дорожили
В книжке его записной.
В ящик
слова
запирали,
И от листа
до листа
Эту державу
собрали,
Словно Иван Калита.
Тысячи подвигов скромных,
Подвигов
Ваших
святых,
Писем,
лежавших в приемных
У секретарш занятых.
Собрана
Вами
держава,

Вся,
до последней главы.
Вы
и посмертная слава —
Две его верных вдовы...

ТОСТ

Все,
что противоположно,
Друг без друга
невозможно:
Если б не было
печали,
Счастья
мы б не замечали,
И,
друзья мои,
поверьте,
Что бы там ни говорили,
Если б не было бы
смерти,
Так бы
жизнь
мы не любили.
Потерял я
сто империй —
Сто надежд,
и тем не менее,
Может быть,
мои потери —
Главное приобретение?!
За тебя я пью,
поэзия,
Как за чувство равновесия.

СВЕТЛОВ

Не мог и дня
прожить он без людей,
Лишь
с ними
становился он поэтом,
Но он на людях
жизнью жил своей —
Общителен
и отрешен при этом,
Он был неповторим
при каждой встрече.
И может, был неповторим он
в том,
Что юмор предков
из глухих местечек
И дух «Гренады»
сочетались в нем.

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ КАМНИ

Вот горный камень с профилем Волошина,
Он высится у бездны на краю.
А эта глыба кем-то так положена,
Что я черты Сократа узнаю.
Отдайся весь вниманию подробному
И только слушай камни,
не дыша.
Они молчат так преданно,
по-доброму,
Как будто в них
живая есть душа.

Хотя бы эта маленькая галька.
Смотри,
ты видишь личика овал?
Она не галька, нет,—
девчонка Галька,
Ее волшебник злой заколдовал.
У пыльных скал есть тоже имя,
отчество.
Привыкли скалы о себе молчать.
Они скромны,
и мы их одиночества,
Их муки не умеем замечать.
Мне с ними хорошо.
Но, черт возьми,
Я о другом,
о самом добром чуде:
Ведь даже камни
могут быть
людьми,
Какими же людьми
должны быть
люди!

В ДЕТДОМЕ

Одно
тебе
мешает,
Мешает
мамой
стать —
Тебе б
построже
с ними,

А в остальном
ты — мать.
Любые
их проказы
Ты стерпишь
без обид,
Ты то
простить им можешь,
Что
мама
не простит.
Ты просто не умеешь
Им
в чем-то
отказать.
Тебе б
жалеть
их меньше,
А в остальном
ты — мать.
Подушки
им поправишь,
Чтоб тих был
сон ночной.
А в угол
не поставишь —
Ведь
все же
не родной!

МАТЬ И ДОЧЬ

Две старушки —
мать и дочь,
Седенькие,
старенькие,
Не поймешь,
кто мать,
кто дочь —
Обе стали маленькими.
Доживают век вдвоем
Тихо,
однозвучно,
И стареют
с каждым днем
Обе
неразлучно.
Из-под шляпок
букольки —
Беленькие стружки.
Покупают бублики
В булочной старушки.
Как же так?
Я замер вдруг,
Недоумевая.
Ведь одну
из двух старух
Родила другая.
Нянчила и нежила,
Умывала личико,
Заплетала
свежие
Детские косички,
От простуды берегла.

Это ж было,
было...
Женихов разогнала —
Так ее любила.

БАБУШКА

Спешит
на свидание бабушка,
Не правда ли, это смешно?
Спешит
на свидание
ба́бушка,
Он ждет ее возле кино.

Расплакалась внучка обиженно,
Сердито нахмурился зять —
Спешит
на свидание
бабушка,
Да как же такое понять!

Из дома ушла,
оробевшая,
Виновная в чем-то
ушла...
Когда-то давно овдовевшая,
Всю жизнь она им отдала.

Кого-то всегда она нянчила —
То дочку,
то внучку свою —

И вдруг
        в первый раз
                    озадачила
Своим непокорством семью.
Впервые
        приходится дочери
Отчаянно стряпать обед:
Ушла
     на свидание
                бабушка,
И это на старости лет!
Ушла
     на свидание
                бабушка,
И совестно ей от того...
Ушла на свидание бабушка,
А бабушке — сорок всего.

*** * ***

В лесу деревья зелены весной
И потому похожи друг на друга,
А закружится листопада вьюга —
Они
     то отливают желтизной,
То густо зеленеют,
То синеют,
То до накала
             жарко багровеют,
И цвет у каждого
                 неповторимо свой.
О как меня
           пугает он
                    и дразнит.

Их дивный цвет,
что вспыхнул
и погаснет,
Последний цвет!

СВАТОВСТВО

Меня
мой друг
Однажды сватал,
В дом холостой
Привел невесту.

Он,
как урок,
Любовь
мне задал,
Но получилось все
Не к месту.

Она
была бы
так красива!
Но с некрасивостью смущенной,
Без откровенья,
Без порыва
Сидела,
мне преднареченной.

Мы молчаливо
Кофе пили.
Я не смотрел в глаза невесте,
Как будто чем-то оскорбили
Меня,
ее со мною вместе.

И я,
все время ждущий сказки,
Запомнив
этот вечер жалкий,
В любовь
не верю
по указке,
Не верю
в счастье
по шпаргалке.

* * *

Этой пудры
густая пыльца,
Этот рот
слишком яркого цвета.
Он был частью живого лица,
А теперь
он лишь часть туалета.
И стройна
и отнюдь не глупа,
Говорит,
улыбается мило.
Всем ее одарила судьба,
Только женского вкуса
лишила.
Вкус —
талант,
а не просто цвета
Прихотливой,
изменчивой моды.
Ведь сама по себе красота –
Признак
высшего вкуса природы.

* * *

Я видел вчера
Настоящее чудо,
Не мог и представить
Подобного я:
На Новобасманной,
Сюда прилетевшие бог весть откуда,
Дрались два соперника —
Два воробья.

Дрались на дороге,
Отчаянно сыпались перья,
Вцепились друг в друга,
А клювы, как шпаги, в крови.
Толпа собралась:
— Это что за мистерия?!
— Дерутся! Смотрите!
— Да кто?
— Воробьи!

Машины столпились растерянно.
Троллейбус внезапно и круто
Остановился.
Гудит взаперти.
И даже милиция —
Сам представитель ОРУДа
Порядок не может никак навести.
Водитель такси подошел к ним,
Схватил,
Оторвал друг от друга
И, в разные стороны их разбросав,
Вытер ладони в крови.
А через минуту на ветке...
— Смотрите!

— А ну-ка. А ну-ка!
— Смотрите! Дерутся!
— Да кто?
— Воробьи.

Мальчишки бросают в них камни с размаху,
А им нипочем!
Наплевать им на нас.
И этим великим отсутствием страха
Два крохотных тельца
Прекрасны сейчас.

Какая Джульетта
Им клювы сцепила,
Им, витязям
Непостижимой любви?
Герои,
Достойные кисти Шекспира.
О, как я завидую вам, воробьи!

ЖЕНЫ

Стихами
            слишком поздними
Хочу воспеть красавиц
С морозными,
            серьезными,
Замужними глазами.
Вы не были обещаны,
И я
    не смел
            влюбляться.
Для нас красивы женщины,
Которых не боятся.

Как часто
в повседневности
С житейскою тщетою
Доступность
мы по лености
Считаем
красотою.
Я тоже
по наивности
Считал былое новью,
Дежурные взаимности —
Единственной любовью.
Ведь даже
в зрелом возрасте
Мы ждем любовь,
как диво,
И сказка о серьезности
Нам так необходима!
Я славлю вас,
красавицы,
Что взглядом
нас минуют,
В которых не влюбляются,
Влюбившись,
не ревнуют.
Идете не замечены,
А ваша стать
прекрасна,
Вас чаще хвалят женщины —
Им это не опасно.
...Невесты наши строгие,
Живете вы годами
С такими
одинокими

Замужними
глазами!
Одну я понял истину
Всем существом глубинным:
Как трудно быть
единственным
И как легко
любимым!

* * *

В одном индийском племени,
Воинственном весьма,
Нет слов —
жена,
любимая,
Есть слово —
мама,
ма.

И если песнь любви поет
Мужчина
в том краю,
Он
нежно
мамой,
ма
зовет
Любимую свою.

Тем словом,
тем единственным
Хотел
народ
сказать,

Что, если любишь,
девушка
Близка тебе,
как мать.
Что видит
в этой девушке
Почтительный жених
Уже не только девушку,
Но мать
детей своих.

Тома
любовной лирики,
Бессмертные тома.
Отнюдь не меньше
краткое,
Скупое
слово —
ма!

Ведь в первобытных хижинах,
В квартирах городских
Все жены —
наши матери,
Мужчины —
дети их.

УТРЕННИЕ СТИХИ

Даю такое указание,
С годами став,
как дьявол,
мудрым, —
Любимым назначать свидания

Не поздним вечером,
а утром.
Рассвет всегда трезвее вечера,
И очевидней,
достоверней
На зорьке утренняя женщина,
Чем женщина поры вечерней.
Она тебе яснее зрима,
Честнее плоть,
прямей душа.
Уж коль любима,
так любима,
Коль хороша,
так хороша.
Когда тебя я вижу сонную
На зорьке около меня,
Ты мне вдруг кажешься мадонною
С ребенком розового дня.
И этим гимном,
гимном жреческим,
На свежей зорьке, зорьке ранней
Я славлю утреннюю женщину,
Как бога солнца египтяне.

НЕЖНОСТЬ

Прошу,
как высшее из благ,
Прошу,
как йода просит рана,—
Ты обмани меня,
но так,
Чтоб не заметил я обмана.

Тайком
ты в чай мне положи,
Чтоб мог хоть как-то я забыться,
Таблетку той
снотворной лжи,
После которой
легче спится.

Не суетой никчемных врак,
Не добродетельностью речи
Ты обмани меня,
но так,
Чтоб наконец я стал доверчив.
Солги мне,
как ноябрьский день,
Который вдруг таким бывает,
Что среди осени сирень
Наивно почки раскрывает.

С тобой так тяжко я умен,
Когда ж с тобою глупым стану?
Пусть нежность женщин всех времен
Поможет твоему обману,
Чтоб я тебе поверить мог,
Твоим глазам,
всегда далеким,
Как страшно
стать вдруг одиноким,
Хотя давно я одинок.

* * *

Да. Есть любовь!
И не идиллия,
Где каждый счастлив сам собой,

Любовь
не дареная лилия,
Не перемирие,
а бой!
Ежеминутный,
постоянный,
Бой,
незаметный для других,
Где раненый
не лечит раны,
А бережет
и нянчит их.
Где кровь своя,
свои законы
И где не нужен командир,
Где счастлив
пленный,
побежденный,
А победитель —
дезертир.

* * *

Спешишь
свои доводы выпалить
И хочешь
у нас,
у друзей,
С упрямой горячностью
вымолить
Свою правоту
перед ней.
Ты любишь.
Ты ждешь облегчения.

На что же надеешься ты?
Какое имеет значение
Признанье
               твоей
                        правоты?
Ну, прав ты.
Она нетерпима.
Пустой, легкомысленный нрав.
Но это же непоправимо.
Уж лучше бы ты был неправ!

* * *

Вере Вольской

Быть может, я
С тобою оттого,
Что ты меня
Мне
Лишь по крошке даришь.
Я о себе не знаю
Ничего,
Ты обо мне
И наперед все знаешь.
Ты личность,
Личность жеста,
Личность глаз,
Ты личность тела,
Личность маленьких ладошек.
Во мне запела
Или занялась
Какая-то покойная
Хорошесть.
Красива ты.

И все же красота —
Не ямочек
Лукавая мгновенность.
Спасибо,
Что в тебе есть доброта
И высшая есть верность —
Достоверность.
Кем был я,
Кем я был без рук твоих?
Черновиком был,
Глиной был слепою,
Один мазок,
Один твой легкий штрих —
И наконец
Я стал самим собою.
Все отошло,
Что мне мутило кровь.
Нет от меня вчерашнего
Ни голоса,
Ни жеста.
Спросите:
Что такое есть любовь?
Я вам отвечу:
Жажда совершенства.

СОБАКА ЭДИТ ПИАФ

Жила певица.
Вместе с ней
Жил ее голос
Да еще
Ее старенький пес...

Так и жили
Втроем они

Вместе.
Друг без друга
Никак им нельзя.
У певицы
Был голос и песни,
А у пса
Были только глаза.
Но с певицею
Голос расстался,
С бренным телом,
С усопшей душой,
Он живой
На пластинках остался,
Отошел от нее,
Как чужой.
И когда
Из квартиры соседней
Этот голос
Летит на мороз,
Слепо мечется
В тесной передней
И на стены
Бросается пес.
У собаки
Особая память,
Ей не пить
На поминках вино,
Ей не высказать
Горе словами,
Может, легче бы
Стало оно.
И на самом
Бравурном аккорде,
Когда песня
Подходит к концу,

Влажно катятся
Слезы по морде,
А точнее сказать,
По лицу.

* * *

Моя любовь —
Загадка века,
Как в прошлый век
Каналы марсиан,
Как найденная флейта
Человека,
Который жил
До древних египтян.
Как телепатия
Или язык дельфиний,
Что, может, совершеннее,
Чем наш,
Как тот,
                возникший вдруг
На грани синей
Корабль
               с других планет
Или мираж.
Я так тоскую
                        по тебе
В разлуке!
И эта непонятная тоска,
Как ген,
Как область новая науки,
Которой
              нет
                    названия пока.

Что ж,
может быть,
В далекий век тридцатый
В растворе человеческой крови
Не лирики,
А физик бородатый
Откроет
атом
Вещества любви.
Его прославят
летописцы века,
О нем
молва
пойдет
Во все края.
Природа,
Сохрани от человека
Хотя бы
эту
Тайну бытия!

* * *

В. В.

Если ты зла,
Мне не надо
добрее,
Не молода,
Мне не надо
моложе,
А не верна,
Мне не надо
вернее.

Такая любовь
На любовь
не похожа.
А знаешь,
быть может,
Мой прадед
Тревожно и смутно
Прабабку твою
Ожидал
и не встретил.
Мой дед
Перед смертью
Невнятно и трудно
О бабке твоей,
О несбыточной
Бредил.
И все это
мне
По наследству досталось —
Довстретиться,
Если им
недовстречалось.
Любовь к тебе
Мне
перешла
По наследству,
Как линия рта,
Как движенье любое.
Куда же,
скажи мне,
От этого деться?
Сомкнулось
навеки
Кольцо
вековое.

Разлука —
Работа
трупнейшего рода.
Таким я
живу,
А не просто люблю.
Как самый последний
Глоток кислорода,
Сейчас
телефонный твой голос
Ловлю.

* * *

Как мог не знать,
что есть на свете ты,
Что шар земной
добрее и счастливей.
Мне
от твоей
волшебной красоты
Все женщины
вдруг кажутся красивей.
Любил
и ненавидел,
черт возьми,
И чем себя я только не тревожил!
Жил
столько лет я
с разными людьми,
А жизнь свою
с тобой
за сутки
прожил

В какой-то непонятной новизне
Пришедшего внезапно откровенья.
От всех на свете женщин
нужно мне
Всего одно
твое прикосновенье!

* * *

Я был настолько молодым,
Что в пору,
в пору летнюю,
Девчонкой тоненькой любим,
Любил тридцатилетнюю.
Я прибавлял себе года
Не из пижонства пошлого,
А потому,
что мне тогда
Так не хватало прошлого!
Я зрелости,
как равноправья,
ждал,
Жил с дерзкой торопливостью,
Поскольку
молодость
считал
Большой несправедливостью!
Я был настолько молодым,
Что юность
оставлял другим.

* * *

О, память,
память!..
Как я ей не рад.
Когда б не помнил я
любую малость
Того,
что было
тридцать лет назад,
Жизнь бы такой короткой
не казалась.

* * *

В живой
шеренге
вековой
Не первый я
и не последний...
История,
ты возраст мой,
Ты разум мой тысячелетний.

* * *

Люблю кубанский знойный борщ
С томатом,
с перцем
и с морковью.
И аромат его
и мощь
Полезны моему здоровью.

Могу прожить
сто с лишним лет,
Сто с лишним лет —
и это мало,
Вот только бы начать обед
С него
и с розового сала.
Потом хоть кофе,
хоть халва,
Хоть что хотите
напоследок...
Да будет сыт
во мне
сперва
Мой украинский
древний предок.

* * *

За то,
что так
себя он бережет,
Бог
долголетием
его
карает.
О нем не скажешь:
долго он живет,
А скажешь:
долго умирает.

* * *

То вдруг доверчивы, как дети,
То облик их
и мудр, и строг.
Пока деревья есть на свете,
Я все ж не буду одинок!

* * *

Зима ли, осень?..
На асфальте грязь.
Сереет день
И тихо убывает.
Сейчас бы за город.
Не летом,
а сейчас —
В лесу
плохой погоды
не бывает.

* * *

С горы
на быстрых лыжах
мчусь,
Пью зимний воздух,
чтоб согреться.
И вдруг —
глоток
волшебный детства,
Давно забытого на вкус.

* * *

Трезвость
раннего утра
с росистой травой,
Трезвость
неба,
что с каждой минутой
сине́е,
Трезвость
солнца и воздуха,
Трезвость
воды ключевой —
Ничего я не знаю
хмельнее!

* * *

Да, это, как дамоклов меч,
Что мне когда-нибудь с годами
Придется в землю, в землю лечь.
А я ее топчу ногами.

* * *

Какая тишь,
Какая вольница!
Снег,
снег,
Насколько хватит глаз.
Песец
и за границей водится,
А снег, ей-богу,
лишь у нас!

Он русский,
дедовский,
старинный,
Такой,
что тройку б под уздцы!
Летят
снежинки
над долиной
И тают,
словно бубенцы.
А ночью
на сугробах
тени
И свет
из позднего окна.
Не паровое отопленье —
Сквозь снег,
Сквозь свет
мне печь слышна.
Всю жизнь мечтавший об уюте,
Стою я
В сумраке ночном
И так завидую тем людям,
Что за своим живут окном!
Там елка
Лучшая в России,
Там елка детства моего!
А вот меня
Не пригласили
В тот теплый дом
На торжество.
О снег,
Мягка твоя печальность.
В снегу поляны
как во сне.

Веселье,
грусть, патриархальность,
Все краски,
звуки —
в белизне!
И боль,
и нега,
нега снега.
О русский снег
Под Новый год!
Как будто с неба,
с неба,
с неба
Не снег,
а музыка идет!

* * *

Увы, на свете
Вечных нет сердец.
Я в этом теле
Временный жилец.

* * *

Жизнь
нам не смертью
страшна.
А, поверьте,
Жизнь
нам страшна
ожиданием смерти.

* * *

В коротком жизненном походе
Я до сих пор понять не мог,
Что жизнь принадлежит природе,
А нам
дана
на краткий срок.

* * *

Сколько прожил
на земле старик!
Пережил эпохи,
поколенья.
А по сути
жизнь его —
лишь миг,
Девяностолетнее мгновенье.

* * *

Никто не знает наперед,
Когда
и как умрет.
Смерть
тайну страшную свою
От смертных
бережет,
Приходит
без предупрежденья,
Чтобы о ней не думал ты.
И может, в этом проявленье
Ее бессмертной доброты.

* * *

Н. П. Жильцовой

Всю жизнь он прожил со своей
подругой.
И хоть он с ней
не мог душой стареть,
Любовь
всегда
кончается
разлукой —
Ведь кто-то должен первым умереть.
И если смертным суждено
расстаться,—
Уйти,
быть может, легче,
чем остаться.

* * *

Пусть будет смерть,
как вдохновенье,
Пусть будет взлет души такой,
Чтобы в последнее мгновенье
Всю жизнь,
весь мир забрать с собой!

* * *

Пушкин,
Лермонтов,
Блок,
Насими́.

Вы взошли
на Голгофу пророчества.
Почему
при такой
кровной связи с людьми
Неизбежен
трагизм одиночества?

* * *

Пусть
крошатся,
как в пальцах мел,
года,
И пусть
не так уж много
их осталось.
В нас что-то
не стареет
никогда,
И может, потому
страшна
нам старость.

* * *

Мелькнет такое
в проблесках зрачка
Или в морщинке,
вычерченной тонко.
Что я
в ребенке
вижу старика,
А в старике —
вчерашнего ребенка.

* * *

Долголетье
организма твоего
В той
одной
непостижимой
сложности —
Соответствие
потребностей его
И его
спасительной
возможности.

* * *

Желчь,
как яд,
опасна,
Повторяю вновь
и вновь я.
Хоть бы
ради
самого себя
Добрым будь,
всех ближних возлюбя.
Доброта
полезна для здоровья.

* * *

Работать,
жить —
не времени́,

Уж слишком велики расходы.
Безделье
продлевает
дни,
Но укорачивает
годы.

* * *

Популярность шумна и
изменчива.
По натуре она такова.
Только слава —
надежная женщина,
Но она
не жена,
а вдова.

* * *

Е. В. Зайцеву

Поэтов
узнаю я
по глазам.
Стихи
не выделяю,
как профессию.
Порой
поэт
не тот,
кто пишет сам,

А тот,
кто сердцем
чувствует
поэзию.

* * *

Не торопись
восславить
миг,
Когда чего-то ты достиг.
Счастливец тот,
кто достигает,
Не тот счастливец,
кто достиг.

* * *

Известность, брат,
Не самый главный дар.
Одни глупцы
Ему тщеславно рады.
Вот, скажем, слесарь
Или сталевар,
И, скажем,
ты,
Наш корифей эстрады,
Ты не бездарен,
это вижу я,
И все ж не тешь себя
Успехом повсеместным.
Не только ты,
профессия твоя

Тебя
повсюду
делает известным.

МУЗА

Ни на кого б ее не променял,
Я тщетно звал ее ночами,
как светило,
Когда ж я ей с другими изменял,
Она ко мне влюбленно приходила.

* * *

Могу показаться я
Праздным бездельником,
Что никакою
не занят заботою.
Но если живу я,
Значит, я думаю,
А если я думаю,
Значит,
работаю.

* * *

Чтоб обрести спокойствие благое,
На свете нет обители такой
Ты сам —
источник своего покоя,
Лишь из тебя
исходит
твой покой.

* * *

Работа
зависти
мешает.
Она
спасает нас
от зла.
Из всех на свете пчел
не жалит
Лишь
меда полная
пчела.

* * *

Не паспорт —
имя,
внешность
потерять,
Чтоб даже мать родная
не узнала.
Пока я жив,
сумел бы все начать...
Хватило б силы
все начать сначала?

* * *

Всего себя
отдай
работе,

А если
смерть
придет,
Умрешь,
как птица,
на полете,
Не оборвав
полет.

* * *

Как много фамилий,
Как мало имен.
Поэтов у нас изобилие!
И как нелегко
перейти
Рубикон,
Чтоб именем
стала
фамилия.

* * *

Да,
популярность такова.
С ней,
как с печуркой той бывает,—
Как ни подбрасывай дрова,
Она все время остывает.

* * *

Звонит
        непризнанный пиит,
Звонит
        Дворец культуры ЗИЛа,
С утра
        редакция
                звонит...
О если б муза позвонила!

* * *

Для старых поэтов,
Которым всю жизнь
Не везло,
Опасен почет
И опасны награды,
Как хлеб
Для дистрофика
После голодной блокады,
Опасно
Признанье,
Когда оно поздно пришло.

* * *

С невольным страхом
Смерть своих друзей
Мы позабыть
Стараемся скорей,
И лишь одно
Оправдывает нас,

Что неизбежен
Наш смертельный час.
За то, что жизнь
Нам все еще дана,
Мы вроде
перед мертвым
виноваты.
И может,
эта горькая вина
И есть та боль,
Святая боль утраты.

МАТЕМАТИКА ЖИЗНИ

Даже бедой
не спеши
пренебречь.
Жизнь —
как решенье задачи.
Из неудачи
Сумей ты извлечь
Корень удачи.

* * *

Если б мир
был то́ждествен
по сходству,
Было бы
бесцветным
бытие.
Красота
обязана
уродству

Тем,
что замечаем
мы ее.

* * *

Строгий бухгалтер — природа.
Помни, товарищ мой, впредь —
Если имеешь ты что-то,
Что-то не будешь иметь.

* * *

Скрывай от всех
свои печали,
На людях
мрачным не бывай.
От всех скрывай их,
Но вначале
От самого себя
скрывай.

* * *

От счастья
не седеют
ни потом,
ни вскоре,
Счастье
нам морщин не придает,
Счастье так не помнится,
Как мы помним горе.
Если б было все наоборот!

* * *

Не будь смешным, не лезь из кожи,
Не притворяйся бодрячком,
И не старайся быть моложе,
Будь молод
в возрасте своем.

* * *

Копи людское уваженье,
Копи на старость
про запас —
Лишь только это сбереженье
Тебе процент с годами даст.

* * *

И. Бадюлу

Не для застолья,
не для песнопенья
С годами дружба все трудней
нужна —
Мучительная жажда откровенья,
Притом, чем реже,
тем ценней она.
Коль друг
тебя понять в несчастье может,
Хоть не поможет,
все-таки поможет.

* * *

Приятелей
вполне хватало.
Общителен по нраву я.
Друзей же было очень мало.
На то друзья — и есть друзья.

* * *

Мечтаю я о времени таком,
Хотя на это нелегко рассчитывать,
Чтоб даже враг
не смел бы мне завидовать,
Боясь на людях
быть моим врагом.

* * *

Хвали меня
Как можно
реже,—
Не умаляй ты
Свой престиж
Ты не себе,
конечно,
мне же,—
Мне
это завтра
не простишь.

* * *

А вдруг умрет он.
Страшно это.
Мы враждовали
С юных лет,
И я останусь
Без ответа.
За мною
Должен быть ответ.
Отсрочь,
мой враг,
Свой смертный час.
Вражда,
а ты сближала нас.

* * *

Ты уж прости!
Пусть невольно,
Подспудно,
Я обманул тебя.
Да. Виноват.
Ввел в заблужденье,
Что я простоват,
Что обмануть меня
Вовсе не трудно.

* * *

Хотите совет?
Ему нету цены.
Пусть он вам послужит

Надежною службой.
Когда вам завидуют —
Будьте сильны,
Тогда даже зависть
Становится
дружбой.

* * *

Скрытая зависть —
Ненависть,
Злобное мщенье.
Явная зависть —
Это почти поклоненье.

* * *

Хоть я не птица хищного пера,
Но я злопамятен.
Не вижу в том плохого,
Ведь если б я
не помнил
зла людского,
Я б никогда
не помнил
и добра.

* * *

Он зол,
завистлив.
Но издалека
Мы с ним приятели.

Никто
друг другом
не обижен.
А чтоб врагами стать,
притом наверняка,—
Нам надо подружиться
чуть поближе.

* * *

Он бы спокойно не прожил
И дня одного,
Он от стыда бы
Глаз не сомкнул до рассвета,
Если б почувствовал —
Совести нет у него,
Но надо же совесть иметь,
Чтоб почувствовать это.

ОБ ОДНОМ МОЕМ ДРУГЕ-ПОЭТЕ

Не охлаждая славой пыла,
Читатель,
хочет он, скорбя,
Чтоб дочь твоя его любила,
Чтоб мать твоя его любила,
Жена твоя его любила
В сто крат сильнее,
чем тебя.

* * *

Себя он хвалит, как живого гения,
И в той
самовлюбленной похвальбе
Тревожный импульс
самоутверждения,
Вернее,
неуверенность в себе.

* * *

По верному подобию
тщеславья своего
Выбрал он
тщеславную супругу.
С ней живя, все горше от того
Он подвержен этому недугу.

ОБ ОДНОМ МОЕМ ДРУГЕ-АКТЕРЕ

Как любит он себя,
коль скоро
Играет он
отнюдь не роль,
А гениального актера,
Играющего эту роль.

* * *

Когда прокат
нам фильм плохой сбывает,
Я до конца
его смотрю любезно.
Неинтересных
фильмов
не бывает.
Ведь даже глупость
тоже интересна.

* * *

Я
мудрость
проклял бы,
как зло.
Быть
и пророком
не захочется,
Если б
прозрение
пришло
Ценою
одиночества.

* * *

Надежней,
чем милиция,
Уже который год

Моя
    интуиция
Меня
    бережет.

* * *

Какая скучная баланда,
Я б сократил ее
    на треть.
Мне
    емкость
        хочется
            воспеть,
Как целомудрие таланта.

* * *

Что ж,
    голод мы изгнали прочь,
В достатке
    и село и город...
Как завтра
    сытому
        помочь,
Чтоб он обрел
    духовный голод?

УПРЯМСТВО

Упрямым быть не торопись,
Хоть я упрямым и завидую.
Коль дверь закрыта —
не ломись,
Ищи
упрямо
дверь
открытую.

ХИТРОСТЬ

Ты,
хитрость,
низменная штука,
Когда спесиво действуешь сама,
Но,
как стратегия
великого ума,
Ты
даже гению
достойная подруга.

* * *

Конечно, Плюшкин скуп.
Но он не просто скуп,
Ноздрев
не просто
дебошир-грабитель.

Глуп Хлестаков,
но гениально глуп.
Не забывайте,
кто его родитель.

* * *

Любой из нас
большой актер,
Что самого себя играет.
Большой актер,
но до тех пор,
Пока он сам
того не знает.

* * *

Встают громады мощных теорем,
Уходят в космос
вещие ракеты,
Но краски древнегреческой секреты
Пока что не разгаданы никем.
В наш мудрый век
за все века впервые
Мы можем пересаживать сердца,
Но как постичь нам
волшебство жреца,
Тот гений
древней психотерапии?
Уж он таков,
самой природы нрав,—
Нельзя приобрести,
не потеряв.

* * *

Документальное кино.
Тридцать девятый год.
Смеется парню
Девушка в берете...
Как бы в игру
без нас
играют дети...
А их
война
за этим кадром
ждет.

* * *

Мне бы
себя
не пережить.
Пока я жив,
Живым остаться.
Бесплатным воздухом
питаться,
Минутой каждой
дорожить...
Мне бы
себя
не пережить.

* * *

Нам кажется, что мы умней природы.
Самообман,
не более того.

Наш мозг,
при всем величии его,
Не бог,
не царь,
а вещество природы.
Теории Эйнштейна
и Ньютон,
Ракеты,
теплоходы
и заводы,
Наука вся,
искусство всех времен
Есть лишь частица вещества природы!

* * *

С плохими мужьями
целебны
разводы.
Об этих мужьях
с облегчением
жены
потом говорят.
Хороших мужей
при разводе бранят
и винят —
Никак
не простят им
своей
виноватой свободы.

* * *

Как малодушно женщин ревновать,
Мол, лишь она в обмане виновата.
Себя
винить трудней
и признавать —
Сам виноват,
Ошибся в ней когда-то.

* * *

Кого-то
кто-то
разлюбил.
А знаешь,
что это такое?
Сгорел Содом.
Погибла Троя.
Пал
целый мир,
что так прекрасен был.

* * *

Поверь, ты хочешь не ее вернуть,
А то,
твое,
что с ней тебя связало:
Порыв свой,
благородство,
в этом суть,—

Вернуть
свое
прекрасное начало.

* * *

Нет,
сегодня не те времена,
что б там ни говорили.
Прохожу
по ростовским бульварам
родным...
В сорок пятом году
все девчонки
красивыми были.
Почему?
Потому что я был молодым.

* * *

В любом мужчине
После сорока
В шестнадцать лет
Я видел старика.
Чем больше я живу на свете
И чем белей
мои виски,
Тем
для меня
становятся моложе
Все старики.

* * *

К нам увлечения
приходят вновь и вновь,
Тропинок много,
но они не веха.
Страсть — только вспышка.
А любовь,
Любовь,
как мать,
одна у человека.

* * *

В молчащем взгляде
синий зов таится.
Заговорит —
и все померкло в ней.
О, как легко
красивою
родиться,
Красивой
быть
значительно трудней.

* * *

Так любит,
что часами рада
Глядеть с мольбой
в глаза твои...
Ей просто выйти замуж надо
При честной помощи любви.

* * *

Хотя бы в ту,
Мне незнакомую совсем,
Влюбиться так,
чтоб ось земли сломалась,
Неистово,
волшебно...
А зачем?
Зачем —
Вот слово окаянней всех дилемм.
Зачем?
Что это — мудрость?
Или старость?

* * *

Любовь выклянчивать —
наивность,
Что на беду обречена.
Любовь —
она и есть взаимность,
Но до чего ж редка она!

* * *

Когда
нет
тебя
рядом,
Болит
пустота.
Так
болит,

Как рука,
Что
ножом
отнята.

* * *

Знаешь,
любовь моя,
Нету
такой
черты,
Где же
кончаюсь
я,
Где
начинаешься
ты.

* * *

Любовь
Такая ж редкость,
Как талант.
Все,
Как в насущном хлебе,
В ней нуждаются.
Но старосветские помещики
Рождаются
Не чаще,
Чем Есенин и Рембрандт.

* * *

Любовь
восславил
не один пиит,
При этом оставляя без внимания,
Как будни,
дар взаимопонимания.
А жизнь как раз
из будней состоит.

* * *

О, как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины,
властвуем,
решаем.
Нет!
Только тех мы женщин выбираем,
Которые
нас выбрали
уже.

* * *

У всякой ревности, ей-богу, есть причина,
И есть один неписаный закон:
Когда
не верит
женщине
мужчина,
Не верит он не ей —
в себя
не верит он.

* * *

Не знаю,
Сколько жить еще осталось,
Но заявляю вам,
Мои друзья,—
Работу
Можно отложить
На старость,
Любовь
          на старость
Отложить
          нельзя.

* * *

Я рад
     расставаться
          с любимою,
               с нею,
Когда моя песня
          к народу
               из дома
                    спешит.
Хорошую песню
          все люди
               считают своею,
Плохая —
     лишь автору
          принадлежит.

* * *

Не под крылом домашней крыши,
А улетев из-под него,
Встречаю в городе Париже
Я день рожденья своего.
Брожу —
　　　　тревожный,
　　　　　　　　озабоченный —
По шумной улице ночной
С моей поэмой неоконченной,
Что по пятам идет за мной.
Проходят мимо парижане,
Порой задев
　　　　　　плечо строки,
И все-таки,
　　　　　　как на экране,
Они при этом далеки.
Пожар витрин,
　　　　　　реклам
　　　　　　　　и окон,
Париж в движении таком,
Что нескончаемым потоком
Машины
　　　　движутся
　　　　　　пешком.
И я подумал с грустной болью:
Париж —
　　　　краса планеты всей.
Как же могли
　　　　　　его
　　　　　　　　без боя
Отдать врагу —
　　　　　　бери,
　　　　　　　　владей?!

Ведь выстоял в огне блокадном
Советский город
Ленинград.
Так что ж,
француз
на поле ратном
В час тяжкой битвы —
не солдат?
Нет!
Не забыть те дни и ночи,
Когда столетие назад
В крови,
в огне
Париж рабочий
Был так похож на Ленинград!
И будет свято помнить русский,
Что здесь
впервые
прозвучал
Рожденный на земле
французской
Наш гимн —
«Интернационал».
Язык французский
тем мне дорог,
Что он
по гимну
нам сродни.
Но кто же предал
вольный город
И в прошлый век
и в наши дни?
Как яркие обложки книги,
Витрины.
Тысячи витрин.

Он здесь, он рядом,
многоликий,
Приличный с виду господин.
Входили в город вражьи танки,
Он жадно думал о своем:
Не потерять бы
франки,
франки...
Что ж!
И при бошах проживем.
И понял я как бы впервые:
Мне было легче воевать,
Поскольку,
кроме всей России,
Нам было нечего терять.
Нет,
не бистро,
не стойка бара,
Не магазинчик,
не лабаз —
Шестая часть земного шара
Была у каждого из нас.
...И понял я в ту ночь,
как счастье,
Как день
рожденья
своего,
Смысл пролетарской нашей
власти,
Судьбу народа моего.

«ОСТОРОЖНО, ДЕТИ!»

Зеленеют скверы
В свежем
летнем лаке.
Едут
пионеры
В подмосковный лагерь,

И,
как доброй новости,
Рад я,
вдруг заметив
Надпись
на автобусе:
«Осторожно,
дети!»

Замерло движение,
И, как подобает,
Транспорт
с уважением
Путь им уступает.

Родина,
ты самая
Добрая на свете.
Вот она —
страна моя:
«Осторожно,
дети!»

Нашего Отечества
Светлая примета.
Но в эпоху атома
Ох, как надо это,

Чтоб
не на автобусе,
А на всей планете
Надпись,
как на глобусе:
«Осторожно,
дети!»

НА ЧУЖБИНЕ

Едем мы по Германии,
По Германии Западной,
Как абстрактная живопись,
Сплошь огнями заляпанной,
Вдоль проспектов дозволенных,
За плечо уходящих,
Мимо окон зашторенных,
Столько судеб таящих!
Мимо зданий зияющих,
До нутра обнаженных...
Как давно мы не видели
Стен,
войной обожженных!
Не в России — во Франкфурте,
Здесь,
на самой чужбине,
Дней минувших развалины
Сохранились доныне.
И внезапною памятью
Вдруг в прозренье мгновенном
Вижу форму эсэсовца
На мужчине почтенном.
Он стоит,
улыбается,

В пальцах веточку крутит.
Как чертовски не хочется
Плохо думать о людях!
Всюду стекла витринные,
И не души,
а вещи.
Город,
словно аквариум,
Освещенный зловеще.
Нам дано расписание —
За минутой минута.
Есть маршрут.
А Германия
Где-то сбоку маршрута.
Повседневная,
близкая
И такая далекая,
С чьей-то нежной запискою,
С чьей-то думой нелегкою,
С чьей-то встречею в скверике,
Самой первой, невнятною,
С чьей-то верностью,
ревностью,
Мне, быть может, понятною.
Где ж ты, эта Германия,
Что ж ты не откликаешься,
За какими деревьями
От меня ты скрываешься?
Боль в плече от ранения
Мне сегодня,
как другу,
Не мешает, Германия,
Протянуть тебе руку.

ВЕНСКОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

Я запомнил, товарищи,
Фестивальное,
верное,
Дорогое пристанище —
Общежитье фанерное.
Словно символ братания,
Рядом с Кубой —
Британия,
А за стенкой,
не далее,—
Молодая Италия.
Вот она —
география:
Три дорожки из гравия.
Здесь они,
кругосветные,
К центру запросто сходятся,
И под кранами медными
Негры
с немцами моются.
Одеяний стоцветие.
Общежитье на Пратере...
Не года,
а столетия
Друг от друга нас прятали,
За степями-пампасами,
За горами, за далями,
За военными базами
Родились,
вырастали мы.
На́ смерть веку вчерашнему
Надо было нам съехаться,

Чтоб вот так,
по-домашнему,
Вместе бриться у зеркальца.
В этом зеркальце маленьком
Расстоянья сближаются,
В этом зеркальце маленьком
Вся земля отражается —
Лица желтые,
красные,
И такие индийские —
Удивительно разные,
Поразительно близкие!..
Есть у века двадцатого
Пушки, книги, газеты,
Сила страшная атома,
Скоростные ракеты.
Только зеркальца этого
Так ему не хватало,
Чтобы в нем
человечество
Вдруг себя увидало!
Увидало
доверчивым,
Очень юным
и верным
В центре Вены,
на Пратере,
В общежитье фанерном.

БРАТИСЛАВА

Пешком
Совершаю
свой длинный,

Свой первый
по городу
путь,—
Обидно
автобусной шиной
Такую красу
зачеркнуть.
То площадь
в старинной оправе,
То трубы
фабричных застав,—
Ей-богу,
в одной Братиславе
Не менее
ста
Братислав.
Сплетение
улочек тесных,
Скульптур
почерневшая медь.
Как здорово,
как интересно
На окна чужие
глядеть.
Понять бы мне
эту столицу,
Расставить бы все по местам,
Не так-то легко
научиться
Проспектам ее
и мостам.
До улочки
узенькой самой,
В которую
жадно вхожу,

Распутаю
всю Братиславу
И в узел
на память
свяжу.

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ

Без знатных званий
и фамилии
Он начинал
как санкюлот,
Шел,
как на пир,
на штурм Бастилии,
Кричал:
— Да здравствует народ! —
Не знал,
что ждет его корона
И власть державная притом,
Что, генерал Наполеона,
Он станет шведским королем,
Двором лукавым возвеличен,
И сам
поверив,
что велик,
С годами
стал он деспотичен,
К одеждам
царственным
привык.
Когда ж монарха хоронили
В костеле,
словно божество,

Когда с почтеньем обнажили
Плечо державное его,
Под роскошью экипировки
Узрел весь двор,
пришедший в храм,
Слова былой татуировки:
Смерть королям,
Смерть королям!

БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ УЗНИКЕ

Старик
с хромающей походкой,
Немногословный,
одинокий,
Из жизни вычеркнут
решеткой,
Он пробыл
двадцать лет
в остроге.
За той же самою стеною,
Что Вера Фигнер
и Морозов,
Томился
той же тишиною
И вместе с ними
ждал допросов.
Гулял,
когда они гуляли,
Безмолвно,
медленно,
подробно.
В глухую ночь
они хоть спали,

А он не спал
и кашлял злобно.
Он знал дотошно
их привычки,
Он узнавал их
по дыханью...
День
начинался
с переклички —
Так
двадцать лет
по расписанью.
Он молод был.
И молодыми
Они сюда
пришли когда-то.
Из года в год
он вместе с ними
Старел
под сводом каземата.
Когда бы знал он,
надзиратель,
Тюремщик,
властью облеченный,
Что он,
их мелочный каратель,
По сути
тот же заключенный.
Себя нисколько не жалея,
Они томиться здесь готовы
За торжество святой идеи.
А он за что?
За харч грошовый?

МЕНШИКОВ

На рынке
пирожками торговать,
Водить полки
на приступ
под Полтавой.
С вельможами
в хоромах
пировать,
А утром
вновь
опохмеляться славой.
Быть на такой блестящей высоте,
Уже иметь
ко всей державе
доступ...
Очнуться в Третьяковской
на холсте
В продымленной избенке
не по росту.

РОССИИ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

I

Все
в нем
Россия
обрела —
Свой древний гений человечий,
Живую прелесть
русской речи,

Что с детских лет
нам так мила,—
Все
в нем
Россия обрела.
Мороз и солнце...
строчка — ода.
Как ярко белый снег горит!
Доныне
русская природа
Его
стихами
говорит.
Все
в нем
Россия обрела —
Своей красы
любую малость.
И в нем
увидела себя,
И в нем
собой
залюбовалась.
И вечность,
и короткий миг,
И радость жизни,
и страданье...
Гармония —
суть мирозданья,
Лишь он один
ее постиг!
Все
в нем
Россия
обрела,

Не только
лишь
его
бессмертье,—
Есенина
через столетье,
Чья грусть
по-пушкински
светла.
Все
в нем
Россия
обрела —
Свою и молодость,
и зрелость,
Бунтарскую
лихую смелость,
Ту,
что веками в ней жила,—
Все
в нем
Россия
обрела.
И никогда ей так не пелось!

II

...А если б не было дуэли?
А если б не было дуэли,
А если б не было дуэли...
Что ж!
Было все предрешено,—
И пуля та
достигла б цели,
Достигла б цели все равно!

Был царь,
и был он,
дух мятежный.
А пуля,
что прервала жизнь,
Была лишь точкой неизбежной,
Где судьбы их
пересеклись.

III

Он,
страх внушавший знати и царю,
Не роскошь титулованных поместий,
Все,
что имел, фамилию свою
В день свадьбы
отдал
молодой невесте.
Прекрасным было девичье лицо.
Фамилия
навеки их связала.
Она,
как обручальное кольцо
На пальчике
дрожащем,
заблистала.
Не думал он,
когда ей говорил
Слова любви неистово и жарко,
Что ни один из смертных
не дарил
Своей любимой
большего
подарка!

Их
не разъединила клевета
И подлость
изощренная
мирская...
На кладбище могильная плита —
«Наталья Николаевна Ланская».
Нет!
Пушкина.
В сознании людском
Она
навек
с ним
юной обвенчалась.
Не важно
чьей женой
была потом,
Она
женою Пушкина осталась.
Его детей
заботливая мать,
Она
о нем
хранила свято память.
Кто
у него
посмел вдову отнять
И в знак того
воздвигнуть этот камень.

IV

Кавказ подо мною...

Туманные горы
теснятся у ног...

Кавказ,
Здесь я каждое лето бываю.
Поднявшись на скалы,
ромашку срываю,
Всего лишь один
желтоватый цветок,
Верней, не цветок —
Календарный листок.
Еще один год отошел...
А Кавказ,
Кавказ подо мною,
Кавказ подо мною!..
Орел,
распростертый
над снежной каймою...
Когда это было?
Сегодня. Сейчас:
«Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...»
Постой!
Но ведь люди
прошли
по Луне,
Гусиным пером
он писал эти строки,
Писал их в тот век,
бесконечно далекий...
Нет!
Именно в эту минуту.
При мне.

V

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Как мог при жизни
Он сказать такое?
А он сказал
Такое о себе.
Быть может, в час
Блаженного покоя?
А может быть, в застольной похвальбе?

Уверенный в себе,
Самодовольный,
Усталый
От читательских похвал?

Нет!
Эти строки
С дерзостью крамольной,
Как перед казнью узник,
Он писал!

В предчувствии
Кровавой речки Черной,
Печален и тревожно одинок:
«Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...» —
Так мог сказать
И мученик
И бог!

VI

Нет,
он не умер.

Тот последний миг,
Тот пульс
в прожилках
Все еще не тает.
Он умирает
на руках моих,
Он умирает.
Так было век назад,
И так сейчас
Конца и края нет ночи метельной.
О, как он жив
До бледности смертельной,
Жив
до слезинки
Из усталых глаз.
Теснится
в стужу
Дымная толпа,
Глядит с немой надеждой
На ворота,
И я стираю
С пушкинского лба
Своим платком
Святые капли пота.
Я хоронил
своих друзей
не раз.
В быту
живой о мертвом
забывает.
Но он не умер,
оттого сейчас
Такая боль:
он жив.
Он умирает.

Сижу я,
веки медленно смежив,
Божественные строки повторяя!..
Да. Так он жив,
что, даже умирая,
Он снова жив.
И будет вечно жив.

VII

Устав от суеты мирской,
В благом молчанье одиноком,
Мой Пушкин,
каждою строкой
Я говорю с тобой, как с богом.
И повторяю вновь и вновь:
Твой пламень время не остудит.
Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!

ПУШКИНСКАЯ СЛАВА

Едва
он умер,
тихо,
величаво,
Как в тот же самый миг
и на века
Пришла
на Мойку
Пушкинская слава,
Пришла,
как на Сенатскую
войска.

Она
пришла к нему
в дыму метели
В салопчике,
в душистых соболях,
Пришла
в худой студенческой шинели,
В тулупе,
В чуйке,
В стоптанных лаптях.
Пришла,
И на гранитном пьедестале
Доныне,
До сегодняшнего дня.
Ее цветы живые
Не увяли.
Они,
как трепет
Вечного огня.
Пришла,
как гимн,
Пришла,
как «Марсельеза»,
Пришла,
неправде
глянула в глаза —
В слезах
любимой дочери
Дантеса,
Что,
как убийцу,
прокляла отца.

* * *

Когда встречаю я
приезжего собрата
(К тому ж
он мне
не родственник,
не друг),
Я почему-то
жалко,
виновато
Пред ним
как бы заискиваю
вдруг.
И так его судьба
меня тревожит,
Как будто в том я
перед ним в долгу,
Что от природы
все же я могу,
А он
при всем желании
не может.
Себя
ему
я в жертву приношу,
Как будто с ним
мы связаны до гроба,
С угодливой покорностью
твержу:
— Что делать, брат,
не классики мы оба!
Но если
злая чья-то пятерня

Коснется
моего предназначенья,
В миг униженья
осенит меня
Божественного дара
ощущенье.
В тот миг,
как будто заново рожден,
Едва во мне обида зазвучала,
Я радостно
и яростно силен
Тем, что могу
всю жизнь
начать сначала!

* * *

О, эти выясненья отношений,
Я злее ссор
и, может быть,
мудрей.
От ссор
мы ждем не ссор,
а утешений
В сознанье
явной правоты своей.
Я ссориться с друзьями
не умею,
Я в ссоре
перемирья
не ищу.
С приветливою речью онемею,
С улыбкою
обиды не прощу.

* * *

Чувствительней
с годами становлюсь,
Сентиментальней
становлюсь с годами,
И хоть я знаю цену мелодраме,
Над вымыслом слезами обольюсь.
Я обольюсь над вымыслом слезами,
В тот вымысел поверивши всерьез,
И в освещенном
людном кинозале
Вдруг
виновато
испугаюсь слез.
Святую жалость к людям
от людей
В платок,
как насморк,
спрячу воровато,
Чтоб молодой иронии бравада
Не посмеялась
невзначай над ней.
Ребенка усмирю в себе,
врасплох
Застигнутый
двадцатым
взрослым веком.
Мол, надо быть
серьезным человеком
В эпоху,
что серьезней всех эпох.
Я так боюсь своих невольных глаз.
А Пушкин плакал,
плакал, не скрывался,

Над вымыслом слезами обливался
И был,
        ей-богу, не глупее нас!

СТИХИ О СЕБЕ

Со мной
        хорошо тебе,
                Коля?
Сегодня совсем ты другой.
Не знаю я,
        что ты такое,
Не знаешь ты,
        кто я такой.

Нет,
    зеркало нас не сближает.
Стою
    перед этим стеклом —
Как будто
        состав
            отъезжает,
А ты —
    за вагонным окном.
Все дальше ты,
        все отдаленней,
И все непонятнее мне,
Чужой
    и совсем посторонний
В стеклянной своей глубине.
Я знаю,
    кто этот прохожий
И кем родила его мать,

Но кто ты —
плохой ли,
хороший —
Вот этого
мне не узнать!
Умен ли ты,
мне неизвестно,
Силен ли ты,
мой дорогой?
Поэтому
так интересно
И так мне печально
с тобой.
Ищу тебя
снова и снова
Пером,
что острее, чем глаз,
Скажи мне,
хоть строчка,
хоть слово
Останется ли после нас?
И нет нам
друг с другом
покоя,
На кладбище
будет покой,—
Не знаю я,
что ты такое,
Не знаешь ты,
кто я такой.

* * *

От доброты ли,
может быть,
своей,
А может, это просто мягкотелость,
Хотел иметь я
только лишь друзей,
Врагов
иметь
никак мне не хотелось.
Я добрым был,
я не гневил богов,
Я не по лесу шел —
по перелеску.
Но, не имея никаких врагов,
Я не имел
друзей
себе в отместку.
Хоть солона на вкус,
но дорога
Наука драки,
мудрая наука:
Начни с того,
что обрети врага,
А вместе с ним
ты обретешь и друга.

ОДА ВРАГАМ

Я возвращаюсь
К юности минувшей
И говорю:
За все спасибо вам —

Той женщине,
Внезапно обманувшей,
Верней,
            в которой обманулся сам.

Мой враг,
Спасибо говорю тебе я
За факт существованья твоего.
Я был без вас
Беспечней и добрее,
Счастливей был
                        призванья своего.

Вы
    посылали
                вызов на дуэли,
Вы
    заставляли
                    браться за перо.
Вы мне добра,
                    конечно,
                              не хотели,
И все же
            вы
                мне принесли добро.
Не раз я был
                    за доброту
                                наказан
Предательскою завистью людской.
И все-таки
                не вам ли
                            я обязан
Своею,
        может, лучшею
                            строкой?

О СЛАВЕ

А все же
          не апостол Павел,
К стопам
          учителя
                    припавший,—
До наших дней
                    Христа
                              прославил
Пилат,
          на казнь
                    его пославший.

НОЧНЫЕ СТИХИ

Во скольких я
                    за жизнь
                              постелях спал!
Вот этот миг,
                    он словно нарисован,—
Да, это я,
          белоголов
                    и мал,
Лежу
          в кроватке,
                    сеткой зашнурован.
Спал
          в комнате у бабушки
                              в углу
На сундуке
          у печки покрасневшей.
Вповалку
          под обстрелом
                              на полу

Я спал
в хатенке,
чудом уцелевшей.
Спал
лежа,
сидя,
стоя,
прислонясь
К чужой шинели
в толчее теплушки,
Спал
широко,
вольготно,
словно князь,
Придя с войны,
на шаткой раскладушке.
Я спал
на одеялах
в кишлаках,
В каютах спал
в авоськах-гамаках.
Я спал
на сеновалах соловьиных,
В Сибири —
в спальных коконах-мешках,
В Европе
спал я
на пуховиках,
На жарких
сытых бюргерских перинах.
Во скольких я
за жизнь
в постелях спал!
Рассвет.
Встаю с гостиничной кровати...

Перелистать
страницы одеял,
Пожалуй,
даже памяти не хватит.

СЫНЫ ЗЕМЛИ

Светлой памяти Георгия Тимофеевича Добровольского, Владислава Николаевича Волкова, Виктора Ивановича Пацаева

Земля
тянула руки
к ним...
А дальше,
дальше что же было?..
В последний миг,
как вздоха,
им
Земного шара
не хватило.
Они, как памятники,
вдруг
На боевых постах
застыли.
Но их веселой речи звук
Еще звучит
в любой квартире...
Не праздник космос.
Космос — бой.
Да. Бой
с опасностью смертельной,
Где люди
жертвуют собой

В дороге этой
беспредельной.
Сыны родной своей Земли,
Путем
высоким,
звездным,
млечным
От нас навеки вы ушли,
Стал ваш полет
бессрочным,
вечным.
Летите за витком виток,
Три русских летчика —
Икара.
Так он плетется,
ваш венок —
Живой венок
земного шара.

ТВОРЧЕСТВО

Я потерял стихи.
В автобусе застрял —
И лучшие стихи
Сегодня потерял.

Я потерял стихи.
Таил
до срока
их
Не в книжке записной,
В предчувствиях моих.

За жизнь свою
таких

Не сочинял стихов.
Отвлекся
лишь на миг —
И нет
начальных слов.

То
близко
за плечом,
То
далеко
слова,
Хоть вспомнить бы —
о чем?
Да голова слаба.
Тот ключик,
ту строку,
Тот изначальный знак
Припомнить
не могу,
Убей меня,
никак!

Какой-то тяжкий бред,
Обидно мне до слез,—
Была строка
и нет.
Да что это?
Склероз!

Быть может,
та строка
Дороже
жизни всей,
Быть может,
жить века

Ей
в памяти людей.

Я ж потерял ее,
Когда
в толпе
застрял,
Я,
может,
с ней
свое
Бессмертье
потерял!..

А вдруг
не в этот миг,
Бездумно
и грешно
Свой
самый лучший стих
Я
потерял
давно.

Среди забот людских,
Житейских передряг
Я
потерял
тот стих
И не заметил —
как.

Вот он мелькнул опять,
Как призрак
на пути...

Мне
век
его искать
И, может,
не найти.

* * *

Андрияну Николаеву

О космос!..
В той далекой звездности
Я не был —
грешный и земной,
Но —
черт возьми! —
летали в космосе
Стихи, написанные мной.
Их Николаев
взял в ракету,
Чтоб на досуге почитать,
И двести с лишним раз
планету
Им выпал жребий
облетать.
На миг
явившись к нам по вызову,
Ответив
центру
на сигнал,
Он томик мой
по телевизору
Земному шару
показал.

Мой век,
не знающий предела...
Когда,
в какие времена
Случалось так,
чтоб залетела
Книжонка
в космос,
Хоть одна!
Пишу,
как будто сказку выдумал,
Как будто волю дал мечте,
Мне б даже Пушкин позавидовал.
Верней, не мне —
Той высоте.
В одном мое большое бедствие,
Одной встревожен я бедой —
Как мне добиться
соответствия
Моих стихов
с той высотой?

* * *

Чем же отличается
Гениальный художник
от бездарного?
В жизни гениального художника
Бывает такая минута,
Когда он чувствует себя
бездарным,
В жизни бездарного художника
Такой минуты никогда не бывает.

* * *

Гулять, обедать — просто так
В часы протяжного покоя.
А белый лист — как белый флаг
Опять проигранного боя.
Рванись, строка, из-под пера
И разогрей сердцебиенье,
Моя счастливая пора,
Мой отдых до изнеможенья!

* * *

Вот кактус,
Разве он цветок?
На бугорке земли шершавой
Нелепо скрюченный виток
Колючей проволоки ржавой.
Однако даже он
                    и тот
Однажды
          вдруг
                    в степи безбрежной
Цветет,
          да как еще цветет,
С какой доверчивостью нежной!..
Спит красота в любом из нас.
Мы все красивы от рожденья —
Однажды
          вдруг,
                    хотя б на час
Или хотя бы на мгновенье.
Спит красота.
                    И жаль мне тех,

В ком глухо спят ее порывы,
Тех,
кто ушел от нас навек,
Не зная,
как они красивы.

У СТАТУИ ВЕНЕРЫ

Нет, ее красота
Не творенье всевышнее!
Так с какой же она
Снизошла высоты?
Взяли камень,
Убрали из камня все лишнее,
И остались
Прекрасные эти черты.
Жизнь моя,
Я тебя еще вроде не начал,
Торопился,
Спешил,
Слишком редко
Встречался с тобой.
Я троянскую
Хитрую лошадь удачи,
Словно дар, принимал
И без боя проигрывал бой.
Но с годами не стал я
Внутри неподвижнее.
В каждой жилке моей
Ток высокой мечты.
Взять бы жизнь,
Удалить
Все неглавное,
Лишнее.
И останется гений
Ее красоты.

ТОТ МИГ

Когда
и как он наступает,
Тот миг,
который так красив,
В тот миг
команда обретает
Всепобеждающий порыв.
В тот миг
в согласье все движенья,—
Уже ничто
не страшно нам,—
Пришло святое вдохновенье
Не к одному —
ко всем бойцам.
Все замыслы
и заготовки
На ратном поле ледяном,
Года
железной тренировки
Сказались
в миге том одном.
В тот миг предельного таланта
Судьба игры предрешена —
Твоих соперников команда,
Хоть и сильна,
побеждена.
И ощущая поле боя,
Победу нашу торопя,
Я понял,
что это такое
Хотя б на миг
найти себя.

Вена, хоккей-77

* * *

Да,
мы со льда
ушли с почетом.
Но, если здраво рассудить,
Мы победили
с меньшим счетом,
Чем можно было
победить.
Когда противников своих
Теснили,
полем всем владея,
Играли мы
сильнее их
И все ж
чуть-чуть
себя
слабее.
Полупобеда
тем страшна,
Что в ней
лукавство утешенья,
Хоть
завтрашнее
пораженье
Уже
таит
в себе
она.

Вена, хоккей-77

НА ВЕНСКОМ СТАДИОНЕ

Хоккей!
Стремительность мгновений,
Прорыва
Скоростной зигзаг
И эта ломаность
смещений,
То отступлений,
то атак.
Внезапный
острый
росчерк паса,
Восторга
яростный раскат.
И над рядами
вдруг
плакат:
«Ребята!
Шайбу для Донбасса!»
И это здесь,
в далекой Вене.
Слова,
как стайка голубей,
Что посланы
друзьями всеми
С просторов
Родины моей.

Вена, хоккей-77

КОГДА СУДЬЯ НЕСПРАВЕДЛИВ...

Свисток судьи...
Не прав судья!
А мы
прорвали
цепь защиты.
И вот,
как крылья,
перебиты
Прорыва
мощные края.
Пропал запал.
Погас порыв.
Утих
атаки жаркий праздник.
Когда судья несправедлив,
Он всех противников опасней.

* * *

Рывок!
И штангу выжал он
Великой мощью рук
и торса.
А новый вес,
как эшелон,
Уже
поставлен
на колеса.
Его возьмет
другой атлет.
Предела
весу штанги
нет.

А я о том
подумал снова,
Что нет предела
весу
слова.

* * *

Любой талант
Под старость
очевидней.
Мне б испытанье
старостью
Пройти.
Мне есть кого любить
И ненавидеть,
С кем счеты запоздалые свести.
Второй мой тайм.
Дыхание второе.
Другой режим
Теперь необходим...
О, высшее волнение
Покоя —
Жить всею жизнью,
А не днем одним!

* * *

Нету у графоманов
Свободных минут —
Есть они
У известных поэтов.
Графоманы

Пакеты в редакции шлют
И никак не дождутся ответов.
Поднимаются ночью,
Тайком от семьи,
И мостят
Свои строки тернисто.
И тайком от семьи
Тратят средства свои
Не на девушек —
На машинисток.
Шлют свои бандероли
Опять
И опять,
И не спят,
И рискуют,
И смеют.
Как им нужен
Божественный дар —
Не писать,
Но они
Не писать
Не умеют!..
Как обидно и горько звучит:
Графоман —
Для поэта и для музыканта!
Графоман —
Это труженик,
Это титан,
Это гений,
Лишенный таланта.

* * *

Я поэт для читателей,
Не для поэтов.
Я не жду от поэтов
Особых похвал.
А когда-то
Под говор вокзальных буфетов,
На почтамтах,
В метро
Я стихи им читал.
Я хватал их за пуговицы
Убежденно,
Я неистово, нервно
Дымил табаком.
Но товарищ хвалил
Как-то так отчужденно,
Будто думал при этом
О чем-то другом.
А потом оживлялся,
Коль речь заходила,—
Где, когда и какую
Он рифму нашел,
И глядел мне в зрачки,
Будто мерился силой,
Будто два наших локтя
Впечатаны в стол.
Нет, не ради себя
Я хочу быть старателем.
Я пишу для читателя.
Хоть одного.
Если есть у поэта
Тот редкий талант —
Быть читателем,
Я пишу для него.

* * *

Поэт,
    будь в замыслах
        огромен.
И не в застольной похвальбе,—
В одном
    ты свято будь нескромен —
В непримиримости к себе.
Возьми одно из самомнений,
Что для людей
    трудней всего,—
Суди себя,
    как судит гений,
Держи равненье на него.
О, комфортабельная скромность.
Мол, Блоком я не родился́,—
Так к черту дерзость
    и рискованность,
С меня посильный спрос, друзья!
Не жди поблажки
    и отсрочки.
Ты жив!
Итог не подводи.
Идти вперед с конечной точки —
Для всех живых
    назад идти.
И если нету
    драгоценной
Строки
    сегодняшней
        твоей,—
Что стоит слава жизни целой?
Как самозванец ты при ней!
Венчают лавры твой затылок.

Но, дорогой,
ты все равно
Живешь продажею бутылок,
Тобою выпитых давно!
Поэт,
будь в замыслах
нескромен.
Не уставая рисковать,
Ты не коня в кузнечном громе —
Сверчка
попробуй подковать!
Ты жив!
Ничто тебе не поздно,
И этим
Блока ты сильней,
Твой возраст,
твой всесильный возраст,
Как космос дан тебе —
Владей!
И, ощущая неуемность,
Лишь с самой дерзкой высоты,
Ты вдруг поймешь,
отбросив скромность,
Как мало в жизни сделал ты.

ЕГО РОЖДЕНИЯ ВЕСНА

Как замечательно, друзья,
То,
что предмайскою
порою,
Весною,
Именно весною

В России
Ленин
родился!

И в пору
вешнего цветенья
Мы празднуем,
на всю страну
Не только день его
рожденья —
Его рождения весну.

Весну,
что началась
от съезда,
С больших деяний
началась
Какое славное созвездье
Великих дат
весной как раз!

Полет
гагаринской ракеты,
И Первомай,
и День Победы —
Святое наше торжество
Все эти праздники
планеты —
Весна рождения его!

* * *

Ее
все чаще
стал я доставать

Все чаще
перечитывать
с годами,
Потрепанную
общую тетрадь
С моими
полудетскими
стихами.
Придирчиво
я всматриваюсь в них.
Свидетели
мной прожитых
мгновений,
Вернее,
фотоснимки
тех
моих
Ребячьих мыслей,
робких вдохновений.
Их ощущая
всем своим нутром,
Стараюсь я
юнцом
себя представить...
Так хочется
сегодняшним пером
Свой давний стих
беспомощный
поправить.
Расшевелить
в нем строки,
раскачать,
Как «Москвича»,
застрявшего
в кювете.

Наития
мальчишеские эти
Сегодня
как бы заново
начать.
Кому-то
гнев
свой давний докричать.
В любви
подруге школьной
объясниться.
Пусть
зрелость
с юностью соединится.
Какая драгоценная тетрадь!
Так пусть
вернется то,
что отошло,
Вернется
вместе с давними стихами.
Карандашом,
отточенным годами,
Переписать бы
юность набело!

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Мчится поезд издалека.
Мчится быстро
И легко,
Дым кружится
И летает,
И несется далеко.

Едет папа,
Едет к Коле,
Едет к сыну своему.
И подарки дорогие
Он везет ему.

Так
　　начинается
　　　　　　тетрадь
Из материнского комода.
Свой стих
　　　　не мог я
　　　　　　　записать —
Мне было
　　　　лишь четыре года.

Записан
　　　мамой
　　　　　этот стих —
Ее рука
　　　в тот вечер долгий
Коснулась
　　　　детских слов моих,
Как озорной
　　　　　сыновней челки.

Пусть
　　так наивна
　　　　　　та строка,
Что в раннем детстве
Зазвучала,
Я,
　как река
　　　　от ручейка,
От той строки
Беру начало:

В хатке под соломой
Бабушка сидит,
А в окошко дождик
Тихонько стучит.

Свечка в полумраке
Малый свет дает,
Бабушка Прасковья
Свой рассказ ведет.

Слушал я все сказки
Бабушки моей
Про зверей,
Про леших,
Про богатырей.

Вот уже и свечка
Стала догорать
И под сказки эти
Стал я засыпать.

...Какой волшебник
Положил
Мне
        под подушку
                        эти строки?
Мой первый стих,
Он предрешил
Все мои годы,
Все дороги.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

Быть равнодушным к близким —
грех.
И пить вино без меры —
грех.
Неверность —
грех.
И леность —
грех.
Неоткровенность в дружбе —
грех.
Но самый больший
грех
из всех
В том,
что я день спокойно прожил,
Что ни один
подобный грех
Меня
сегодня
не встревожил.

ЛЕРМОНТОВ

О, Лермонтов...
непостижимо это.
Над ним
сам дух пророчества
витал,
Когда
поэт
в стихах
«На смерть поэта»

Свою
дуэль и смерть
предугадал.
Он едет в ссылку
степью да лесами
Навстречу
скорой гибели своей,
И рассыпается
лихими бубенцами
Тоска
дорожных,
однозвучных дней.
О, как ему на свете
одиноко!
С людьми
он неуживчив,
ядовит.
Лишь Пушкина,
как бога,
как пророка,
Сняв
бережно
с креста,
Боготворит.
Боготворит
С такою болью нежной,
Что только он
мог выразить ее,
Предчувствуя
в его судьбе мятежной
И гибель
и бессмертие свое.

* * *

О чем же сперва?
О подростке,
Который стоял
И стоит
На летнем
ночном перекрестке,

Стоит
И на окна глядит.
Ни памятник он,
Ни скульптура,
Так что ж
С ним случиться
могло?

Глядит он
Влюбленно и хмуро
И как бы
читает
стекло.
А за переплетом оконным,
Судьбу свою
не торопя,
Спит
девочка,
Спит
отчужденно,
Сны видит
сама для себя.
Но все ж он дежурит нелепо,
Забыв
огорченья свои,
Под звездами
южного неба,

Под окнами
                первой любви.
О чем же потом?
О поэте,
Хоть не был он
Рифмам учен,
Но все же
                в ростовской газете

Впервые
Свой стих
                он прочел.

Свой стих
О героях-папанинцах,
Затерянных
                в северных льдах...

Таким
        на года
                он
                    останется

Со свежей газетой
В руках.
О ком же еще?
О вожатом,
Ему
    восемнадцатый год,
По улице
            шел он
С отрядом.
Он
    так
        до сих пор
                    и идет.

О, память!
На всех перекрестках,

Где
юность
ходила
моя,
Остались
живые
подростки,
Их много,
и все это —
я!

* * *

Меня
соседка
Угощала супом.
Включает радио.
Вдруг
голос в тишине...
Каким я был тогда
Мальчишкой глупым,—
Я
в первый миг
Был
даже рад
войне.
Хоть горе
ощущал я
по наитью,
И все же,
сам не зная почему,
Был рад
невероятному
событью,

Верней,
своей причастности
к нему.
Был рад тому,
что сразу
стану
взрослым,
Уйду на фронт
вершить свой правый суд.
Назло
всем вражьим пулям
смертоносным,
Которые
в меня
не попадут.
Но эта радость —
Только лишь минута,
Всего минута
детская
одна.
Как за нее
безжалостно
и люто
Четыре года
Мстила мне
война.

* * *

Внезапный залп
Средь мирной тишины.
Внезапная бомбежка на рассвете...
Так начался он,
Первый день войны,

Такой,
что не бывало
на планете.
Еще вчера
У каждого был свой
Обжитый дом,
Была
своя
работа.
Наш дом
отныне
на передовой.
У всех одна судьба —
Судьба бойца-народа.
И были мы
Так свято сплочены,
Что, несмотря на горести и беды,
Тот
самый тяжкий,
Первый день войны
Был днем
начала
будущей Победы!

* * *

Твержу
в окопе
рифмы
снова.
О, прелесть
стихотворных строк.
Нет ничего
превыше
слова.

И все же,
Если бы я мог,
Из этих строк,
Во мне
звучащих,
Зовущих
ближнего
любить,
Один костыль,
Но настоящий
В опору
раненому
сбить.

* * *

Есть полоса
Над крутояром,
Черным-черна
На ней земля,
Степным пожаром
Обожжена.
Где цвел осот,
Где прежде пели
Перепела,
Где васильки
Во ржи синели –
Зола,
зола.
Но как-то раз
Сквозь пыль
И пепел,
Что сер
И сед,

Пробил
Упрямый, тонкий стебель
Лазорев цвет.
И робко вспыхнул
Светлой,
                    зыбкой
Голубизной.
Сверкнул,
Как первая улыбка
Вдовы седой.

БАЛЛАДА
О СОЛДАТСКОЙ ГИМНАСТЕРКЕ

Скажи мне, товарищ,
Скажи, старшина,
За что получил ты
Свои ордена?

Три ордена Славы
Большого пути.
И веер медалей
Звенит на груди.

На знаки державные
Любо смотреть.
Хотел бы тебя я,
Как должно,
                    воспеть.

– От Волги
                    до Шпрее
Прошел я бои...
Но, честно скажу,

Ордена не мои!..
Дружок мой,
Служивый,
Окопный
Солдат...
Была гимнастерка его
Без наград.
Лишь пот
сорок первого года
На ней
В боях
проступал
И темней
и жирней.
Под Минском
из пекла
Меня
на спине
Волок он,
как мог,
По кровавой стерне...
Меня
дотащил,
А себя
не сумел.
Хоть силу
лет на сто
Он в теле имел!
А вот не пришлось
До победы дожить
И эти награды
В боях заслужить.
Но если б меня он
Под Минском
не спас,

На мне б ордена
Не звенели сейчас.
Так чьи же награды?
Выходит — его.
Была бы
в придачу к ним
Жизнь у него!

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРВЫЙ ГОД

Спешит солдат
домой
с войны,
Встречай служивого, Петровна!
Но нет
ни дома,
ни жены,-
Одни обугленные бревна.
Окошка нет,
чтоб постучать,
И крыши нет
как не бывало,
И не с кем
разговор начать,
Чтоб хоть узнать,
что с жинкой стало.
Ведро
помятое
в углу...
Не знал,
что так он к ней вернется,
Что не на фронте,
а в тылу

Снаряд
смертельный разорвется.
И вдруг
откуда-то
стремглав,
Измученная и худая,
Его,
хозяина, узнав,
Собака
выскочила,
лая.
Она неистово визжит,
Глядит в глаза
с тоской щемящей,
И руки лижет,
и дрожит.
И к обгоревшим стенам
тащит
Какой-то байковый халат.
Корзинка
Или ящик, что ли...
И замечает вдруг солдат
Трех
мокрых,
крохотных щенят,
Рожденных час назад,
не боле.
И мать,
что прежде никого
К щенкам не подпускала близко,
Упорно тянет к ним его
С доверчивым и тихим визгом.
И рада так ему она
И так вокруг него хлопочет,
Как будто успокоить хочет:

А может быть,
жива жена!..
Солдат махорку достает,
Как бы почувствовав подмогу.
Послевоенный трудный год.
Жизнь начиналась понемногу.

* * *

Товарищ,
вспомни,
как с тобой
В Ростов вернулись мы.
Пожар на улице Сенной
Среди тревожной тьмы,
Наш искалеченный вокзал,
Метель кружит золу,
Проломы стен,
сплетенья шпал
И трупы на углу.
Мы спали,
Подстелив шинель,
И был короток сон,
И билась яростно метель
В щербатый дикт окон.
Топтали дети
к Дону
путь,
Чтоб в проруби
потом
Водицы
мутной
зачерпнуть
Простреленным ведром.

Пайковый мы делили хлеб,
Пустой варили суп,
И дом был
холоден и слеп,
И пар струился с губ.
В углу
Последних дров запас.
Коптилки едкий дым...
Но был я
в эти дни
как раз
Счастливым,
Молодым.

ОРЕНБУРЖЬЕ

Азиатская даль Оренбуржья.
Степь желтеет, как шерсть вековая верблюжья.
А холмы — как верблюжьи горбы.
Край ты древний нелегкой судьбы.
Где-то здесь, средь простора степного,
Звон копыт, след коня Пугачева.
И не смыли тот праведный свет
Все дожди твоих весен и лет.
Как ты радуешь сердце весною
Своей зеленью нежно-льняною,
Одиноких деревьев шатры
И тюльпанов живые костры.
Дед-казак, хоть и не был поэтом,
Так сказал о просторе об этом,
Будто выдохнул он из себя:
Посмотри: все степя, все степя!..—
И нежнее народного слова

Не найдешь для простора степного
Чтобы было достойно тебя:
Все степя, да какие степя!..

* * *

На станции
У самых шпал
Он вдруг пророс —
Росток травы,
зелен и мал,
Из-под колес.

Кузнечик,
Он почти приник
К металлу рельс.
Самоубийца каждый миг,
Зачем он здесь?

Все поезда,
Со всех сторон,
В сто тысяч тонн
Спешат сюда,
Чтоб ими был
Раздавлен он.

А он растет,
Трава травой,
Как прежде рос,
Зеленой искрою живой
Из-под колес.

ТВОЯ ДОРОГА

Легко садиться в дальний поезд,
Легко и в трудном быть пути,
Когда тебе семнадцать,
то есть
Чему ни быть —
все впереди!
И не пугают расстоянья,
И расставанья не гнетут —
Они не то чтоб расставанья,
Они скорее обещанья
Тех встреч,
что на дороге ждут.
Под стук колес поют девчата
Про те алтайские края,
Где степь
вот так же непочата,
Как молодая жизнь твоя...
Лишь от тебя зависит это,
Чтоб степь твоя
грядущим днем
Не поросла бы пустоцветом
И не осталась пустырем.
Уходишь ты
весенним,
длинным
Самостоятельным путем
К тем землям,
дремлющим,
целинным,
Что ждут тебя в краю ином.
Ты не успел еще доехать
До полевых своих работ,

А по стране
 твои успехи
В стихах воспеты наперед...
Прославлен ты не потому ли,
Что славу тех,
 рожденных бурей,
Немолодых уже людей,
Сложивших город на Амуре
В дни первой юности своей,—
Их славу
 взял ты в час прощанья
Всю сразу
 за десятки лет?
Она звучит как обещанье
Твоих успехов и побед.
С отцовской славою попутной
День ото дня все лучше будь,
Пред ней ответ
 ежеминутно
Держи,
 живи не как-нибудь.
И если ты душою честен,
То, устремляясь далеко,
Тебе с той славой будет вместе
И очень трудно и легко!

* * *

Пусть
слава
подойдет
к столу,
За нею
гнаться
я не буду.
В стихах
не буду
бить посуду,
Чтоб прогреметь
на всю страну.
Пусть
слава
подойдет
к столу,—
Хочу
услышать
похвалу.
Заметь
меня,
старик Державин.
Но хоть я
дьявольски
тщеславен,
Пусть
слава
подойдет
к столу,
А подойдет
она
к столу,

Я крикну ей,
коль рядом
встанет:
— Не отвлекай,
я делом занят!
Постой за шкафом,
там,
в углу,
А после
подойдешь
к столу,
Когда мой гроб
украсят
розы.
Свободный
от стихов
и прозы,
Я буду ждать
твою хвалу.
Пусть
слава
подойдет
к столу!

МОНОЛОГ ГЕНРИХА IV

Меня
враги
считали дураком.
О, я на них
за это не в обиде!
Как куколку
с потешным колпаком,

Я им
себя протягивал —
Берите!
Играйте с ней.
И засыпайте с ней.
Когда Париж
как замок заточенья,
Мне ваша снисходительность
Нужней
Опасного
кровавого
почтенья.
Настанет день.
Придет моя пора.
Недалека развязка
этой пьесы.
Башка шута
не стоит топора,
Зато Париж,
Конечно,
стоит мессы!
Что ж,
хлопайте по заду,
по плечу,
Есть голова,
Была бы только шея!
Я приручу вас,
Я вас приучу
К тому,
что я ручной,
Что я вас всех ручнее.
О господи,
быть глупым помоги!..
В бокалах яд.
Блестят кинжалы бледно.

Взойду
на трон я,
снявши башмаки,
Бесшумно,
заурядно,
незаметно.
Взойду на трон,
и Франция сама
Склонит чело,
на верность присягая.
О, высшая стратегия ума —
Обманчивая глупость шутовская.
Ну, а пока
насмешки,
как добро,
От королевских
я приму
фамилий.
Быть хитрым —
это вовсе не хитро,
Куда хитрей
казаться простофилей.

* * *

Родной квартал мой...
Наугад
Я узнаю его.
Возник
совсем нездешний сад
На месте детства моего.
А город вырос вдвое.
Он
Границы прежние сломал.

Но я,
признаться,
был смущен,
Неужто все же
так он мал!
Я помнил —
он совсем другой,
Почти
одноэтажный
сплошь.
Трамвай
с фигурною дугой,
Кривые улочки...
И все ж
Он был пределом
всех путей,
Огромен был
и незнаком,
Был
для меня
планетой всей,
А стал
районным городком.
Прошли
немалый
мы маршрут
С тобой,
товарищ детских дней,
Как быстро
города
растут,
Но человек
растет
быстрей!

* * *

Вчера
Сто раз
ты правым был,
Вчера
Сто раз
ты мудрым был.
Чего ж еще?!
Но все же,
все же
Сегодня б
Ты не так
любил,
Сегодня б
Ты не так
творил,—
Недаром
день
тобою
прожит.
Гремел
недаром
майский гром,
Недаром
утренним дождем
В твое окно
заря стучала.
И за день
Мимо круч родных
Недаром
Столько волн донских
Ушло
к азовскому причалу.

Кричали
чайки
на лету,
И пели
грузчики
в порту.
Несли мешки
По сходням шатким...
И это все
на голос твой,
На жест любой,
На взгляд любой
Легло
незримым
отпечатком.

* * *

Их две.
Они различные.
А внешне
Так похожие.
С одною
Мы обычные
Далекие
прохожие.
За ней
Я всюду
рыскаю,
Слежу
за ней
лишь издали.
Другую
мою близкую

Я будто знаю
исстари.
Одна
такая дальняя,
Чужая,
равнодушная.
Другая
моя тайная,
Понятная,
послушная.
И коль судьбою
движимы,
Сойдемся
с вами
ближе мы,
То быль
со сказкой
скрестятся,—
И женщины те
встретятся,
И если
они
сдружатся,
Друзьями
мы
останемся,
А коль
они
поссорятся,
То значит
мы
расстанемся.

* * *

Прости меня,
моя Мадонна,
Я твой портрет
Не достаю.
Нет,
не гляжу я
Умиленно
На фотографию твою.
На ней
твой взгляд
Спокоен,
вечен.
А ты
другою мне мила,
Что раз по двадцать
каждый вечер
То злой,
то доброю была.
Когда вдыхаю степь
В грозу я,
Тобою
я тогда
дышу,
Припав к ручью,
В бурливых струях
Твои
я губы
нахожу.
Легли
меж нами
километры.
Но не на карточке немой,

А из зарниц,
из трав,
из ветра
Я собираю
образ твой.

ПРОВОДА

Гляжу
В донской степи
На провода.
Они бегут
Неведомо куда.

Что,
если молния
Твоей любви
сейчас
Над головой моею
Пронеслась?

В своем
таком далеком далеке
Ты напиши
Хоть строчку
На листке.

Пусть руки
от волненья
Задрожат,
И сердца стук
Повторит аппарат.

Ты напиши:
«Люблю,
        мой дорогой...»
И я
    схвачусь
            за провода
Рукой,
Чтобы поймать
            то слово
На лету
Или обжечься
            насмерть
О мечту.

* * *

Я каждый день
            писал сначала,
Чтоб
    жить
        строкой
            в твоей судьбе.
И почта
        бережно вручала
Мою бессонницу
            тебе.
А ныне
    злюсь я на чернила,
На их нелепые права.
Во мне любовь заговорила
Такая,
Что молчат слова.
Сегодня
        писем нам
            не надо,

Зачем
        нам письма получать,—
Мы
    и вдали
Настолько рядом,
Что даже можем помолчать.
Сесть
        под знакомой нашей вишней,
Где убегает
                к речке
                        склон...
Зачем,
        скажи,
                нам третий лишний,
Пусть даже это
                почтальон.

* * *

Такой
        любовью
                я любил,
Такой
        огонь
                меня сжигал,
Что, если б
                деревом
                        я был,
Давно бы
        горстью пепла
                        стал.

А если б
было я
океан...
Давно бы
выкипел
до дна...
Я человек.
Мне жребий дан
Ночами
мучиться
без сна.

То улыбаться,
Все забыв,
То зубы стиснуть,
Боль тая...
И этим пламенем
я жив,
И этой мукой
счастлив я.

* * *

Прости меня.
Я пред тобой в ответе
За то,
Что скрыть
не мог я
Ничего,
За то,
Что не сумел
Хранить в секрете
Заветный жар
Признанья моего.

За то,
Что каждому
Теперь
известна стала
Моя любовь,
И ревность,
И тоска,
Что это все
по буквам
набирала
Наборщика
спокойная рука.

* * *

Луг,
Сверкавший,
Как алмаз,
Вешний окоем,
Мир
От звезд
до тихих глаз
На лице твоем.

Дон,
Подернутый дымком,
И в тиши ночной
Будто
пахнет
молоком
От воды речной.

Крики
первых петухов,

Жилки
пыльных троп,
Прелесть
пушкинских стихов,
Читанных
взахлеб.
Даже
этот краснотал,
Пух его ветвей,—
Все
в те ночи
я считал
Красотой твоей.

* * *

Если вдруг
жену потянет
На довольство,
на покой,
Пусть не выдаст,
не обманет,
Не хочу
жены такой.
Чтоб,
сославшись на усталость
И к тому ж
на поздний час,
У друзей
она
боялась
Засидеться
лишний раз,

Чтоб гулять
ленилась
с мужем,
Как ее ты ни зови,—
Майский вечер,
мол,
не нужен
Для супружеской любви.
Для чего
реки прохлада,
Все и так,
мол,
решено,
Для чего
все тайны сада,
Если любит
все равно.
Мне
такой жены
не надо.
Мне
такой
не нужен
быт,
Коль жена
уюту рада,
Что,
как кот,
ленив
и сыт.

* * *

Не только
привык я
к лицу твоему,
К улыбке твоей
и к печали,

Но
даже
спокойно
привык я
к тому,
Что мы с тобой
ссориться стали.

Такие слова
Говорим мы тогда,
Такие
приходят
решенья,
Что только разрыв,
И притом
навсегда,
Какое уж тут
Примиренье!

Мы
эти слова
потому
говорим
Так смело,
не дрогнувши бровью,

Что
    где-то внутри
            все ж
                не верим
                    мы им,
Бессильным
        пред нашей любовью!

* * *

Любовь,
Когда она одна,—
Любовь.
А если много,
Как сказать — любвей,
Или любовей?
Размышляю вновь
Над тонкостями слов и падежей.
Не любит множественного числа
Любовь на русском языке моем.
А почему?
Не думал я о том,
Пока она однажды не пришла...
Через века
Я понял вдруг того,
Кто это слово мудро сочинил.
Быть может, верность предка моего
Родной язык навеки сохранил.
В земле далекий предок мой лежит,
А слово не стареет на земле.
И для меня оно теперь звучит
В твоем
Одном-единственном числе.

ДВЕ ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

I

Хата
в хуторе
за степью.
Пес трясет
железной цепью.
Сторожит
не он
старуху,
Сторожит
она
его,
Сторожит
белье,
одежу,
Порознь
каждую галошу,
Сторожит
свое хозяйство
Пуще ока своего.
Для чего
тебе,
старухе,
Эти деньги,
словно мухи
Облепившие
сберкнижку,—
Не сберкнижку,
мухомор,
Эти яблони
и сливы,

Что проел
червяк наживы,
Твой высокий,
твой тюремный,
Добровольный
твой забор...
А когда-то,
А когда-то
Пахла щами
чья-то хата
И такая же
собака
С лаем
рвалась на цепи.
Бархат,
спрятанный
в комоде,
Хлеб,
зарытый
в огороде...
Ты
четвертый день
не ела
И ни зернышка
в степи.
Где она,
твоя кожанка,
Та телега,
как тачанка,
Что под флагом продразверстки
Подъезжала
к воротам,
Где она,
та перестрелка,—

Возле брови
шрама стрелка,
Щеку жгло,
а ты стреляла
По врагам —
по кулакам...
Ты
приехала
с базара.
Пахнут деньги,
словно сало,
А тебе
все мало,
мало —
Запах их —
твоя еда...
Так
в кого же
ты
стреляла,
Не в себя ли
ты
стреляла,
Не в себя ли
ты стреляла,
Промахнулась,
вот беда.

II

Эта старая женщина
В белом халате,
Заступившая в ночь
На дежурство свое,
Двадцать лет прослужила

В родильной палате.
Узловаты, натружены руки ее.

Не легко в этом доме
Дается порядок —
Обойди матерей,
Накорми, успокой,
И на той половине
Все десять кроваток
Надо тоже
Держать под рукой!

Все положено знать ей
О каждом ребенке:
И когда ему есть,
И какой он в лицо.
На руке у него
Номерок из клеенки,
Как на лапке у голубя
Метка-кольцо.

Эта старая женщина
В белом халате
С пожелтевшим лицом
От бессонниц ночных
Двадцать лет прослужила
В родильной палате,
Но детей не пришлось
Пеленать ей своих.

Четверть века назад
В чистом поле на Каме
Муж ее —
Коммунист из глухого села —
На глазах у жены

Был убит кулаками.
Через час
Под скирдою
Она родила.

Разорвала
Своею рукой пуповину,
Рядом не было нянек,—
Степь да степь без конца...
Молча глянула
В мертвое личико сыну —
Весь в отца!..

И когда
В этом каменном доме
Впервые
Заступила она
На дежурство свое;
И когда
Чей-то муж,
Растопырив ладони большие,
Принял бережно
Сына
Из рук у нее;
И когда
Он, счастливый,
Глядел на ребенка,
То не понял никто,
Почему, отчего,
Не стесняясь народа,
Заливисто, звонко
Разрыдалась она
Ни с того ни с сего...

Скольких малых детей
Ее руки качали,

Скольких нянчили
Руки ее
Матерей,
Сколько пышных букетов
Отцы ей вручали,
Но букеты
Назначены были не ей!

Антонина Максимовна,
Мать Антонина,
Может быть, ты сейчас
На дощатых ступеньках крыльца
Вновь отцу подаешь
Осторожно и ласково сына,
Улыбаешься:
Как он похож на отца!

В РОССИИ ЛЕНИН РОДИЛСЯ

Поэма

1

Семидесятый год.
Но года было мало,
Чтобы в России
Ленин
родился́!
Так где ж начало,
Где оно, начало?
В котором веке
Ленин
начался́!

Он начинался в сердце Спартака,
Как правда революции святая.
Не только будущее,
Прошлые века —
Бессмертье Ленина
И жизнь его живая.
О, сколько раз
До своего рожденья
Мог бы родиться он.
Как он искал себя,
Российскую деревню торопя
На ярость пугачевского сраженья.
Но слишком далеко
До дня того,
Когда он,
Ленин,
должен был родиться.
Мужицкий царь —
Пугач,
Диковинная птица,
Сидит в железной клетке
века своего.

Его на казнь везут.
А прутья
                как года,—
Не выломать...
Грохочет колесница.
...Родится Ленин
Именно тогда,
Когда История
                велит ему
                        родиться...
Радищев,
Рыцарь вольности святой,
Пророк,
Могучий глас России нищей,
Живя в твой век,
Он — Ленин —
Мог бы быть с тобой,
Но ты
        не мог быть Лениным,
Радищев.
Рылеев...
Пестель...
Что и говорить,
Хватало вам ума
И мужества хватало.
И все же,
Чтоб в то утро победить,
Вам целого столетья не хватало.
О, если б Ленин
                раньше родился́,
Не в то,
        ему назначенное время,—
Он
    в декабре
            стоял бы рядом с теми,

Кто на Сенатской...
Не могу!
Нельзя...
Подумать даже,
                    чтоб его не стало,
Чтоб Ильича
                    Россия потеряла
В тот дальний век...
А как же мы тогда?
А как же без него
Набатный гром «Авроры»,
И в Смольном
                    фронтовые коридоры,
Моей Москвы голодной холода?
Как ленинские
                    первые декреты
Без Ленина?
А как же Ленинград
Без Ленина?
И судьбы всей планеты —
И стариков
                    и ленинских внучат?
На то и Ленин он,—
Иначе он не мог,
Не мог
            родиться он
В эпоху Пугачева!
Он к нам пришел
Как раз в тот самый срок,
Когда История
                    была к тому готова.

2

Ильич...
Не помню я той грани,
Не помню я
Тот самый час,
Когда услышал
В детстве раннем
Я это имя
в первый раз.
Оно
светло
и незаметно
Пришло ко мне,
как жизнь сама,
Как вкус воды,
Как запах ветра,
Как в детстве
первая зима.
Ильич...
Мне кажется,
что где-то
В том мире колыбельных снов
Произносил я имя это
Еще до всех на свете слов.
Слова потом,
А он — вначале.
Ильич...
С тем именем родным
Отцы на фронте умирали,
А я
как бы родился с ним.
На знамени
и на портрете,
Как лик страны моей родной,

Все годы,
что живу на свете,
Его лицо передо мной.
Вот он стоит,
такой домашний,
Засунув пальцы под пиджак.
На дальнем Ганге,
На Ла-Манше
Он всем знаком...
Да, это так.
Но как бы в стороне остался
Казненный царским палачом,
Тот,
кто когда-то первым звался
В кружках рабочих
Ильичем.
Он не глядел на нас с плаката,
С плаката хоть бы одного,
И рядом
с профилями брата
Я помню профиль не его...
Он,
кто лежит под камнем серым,
Он,
кто собой не дорожил,
Как воин,
павший в сорок первом,
До Дня Победы не дожил.

3

Я заявляю
правды ради,
Что мне сегодня так нужна

Не где-нибудь,
                    а в Ленинграде
Хотя бы улочка одна,
Хотя бы переулок малый,
Чтоб был он назван в честь того,
Кто для вождя
                    стал идеалом
И высшей совестью его.
Чья смерть была
                    и горем трудным
И первой
          зрелостью
                    вождя,
Стремлением ежеминутным
Сражаться,
          жизни не щадя.
И как обидно,
                    горько,
                              странно,
Что ни таксист,
                    ни постовой,
Ни ленинградская горсправка
Не знают улицы такой.

4

...Победой
          станет
                    пораженье.
Я часто думаю о том,
Что не с холодным осужденьем,—
С любовью,
          с болью,
                    с преклоненьем
Ульянов-младший в то мгновенье

Решил идти другим путем.
Лишь миг назад
он был
Ульянов,
Решил —
и Лениным
он стал.
В его руках
против тиранов
Не динамит,
А «Капитал».
Решил —
и он уже в двадцатом,
В том веке
новых трасс и вех,
И старший брат
Стал младшим братом,
Стал
младше
Ленина
на век.

5

Свой путь
ему был предназначен.
И Ленин
близким говорил:
— Не мог он поступить иначе,
Так поступить
он должен был! —
Да.
В это рабское бесправье
Мог поступить он
только так,—

Грохочет
танк
самодержавья,—
И он
с гранатою — под танк.

6

На перемене
В средней школе,
Успев учебник пролистать,
За критику «Народной воли»
Я получил когда-то «пять».
Все вышло здорово и ладно:
Мол, покушенье, в общем, зря,
Мол, новый царь,
Вполне понятно,
Заменит прежнего царя...

Мальчишка!
У могилы стоя,
Хотя б минуту помолчи
Пред светлой памятью героя,
Что вспыхнул факелом в ночи!
Не смей,
замолкни,
не кощунствуй,
Юнец,
ораторством своим.
Не разглагольствуй,
а почувствуй,
Что руководствовало им.

7

Не так легко
двадцатилетним
Взойти на смертный эшафот,
Избрать себе
тот путь последний,
Когда тебя наука ждет.
Когда она —
твое призванье
Со дня рожденья
и навек.
Когда уже достиг признанья
Твой дар,
счастливый человек!
Медалью золотой отмечен
Твой первый труд —
Так ярок он.
Ты мог бы быть увековечен,
Как Менделеев,
Как Ньютон...
Но кабинетный мир застольный,
Научный,
новый свой трактат
Он променял
на добровольный
Сырой и гиблый каземат.
Мечты о почестях,
о славе
Не для таких,
как он, людей,
Но свой любимый труд оставить
На полстроке
всего трудней.
О, сила мужества героя —

Мысль,
как щепу,
в руках сломать
И миру
не сказать
такое,
Что мог лишь он
один
сказать!

8

За что
и кто его осудит,—
Он понимал
не хуже нас,—
Что Русь крестьянскую разбудит
Грядущий класс —
Рабочий класс.
Переводя на русский Маркса,
В предчувствии иных атак,
Он ни на миг не обольщался,
Идя
с гранатою
на танк,
Мол,
взрыв короткий —
и победа.
Он знал —
победа не близка,
Там, за его спиною где-то,
В резерве
главные войска.
Вот так
защитник Ленинграда,

Идя
с гранатою
на танк,
Знал,
что на много дней блокада,
Далек Берлин,
Далек рейхстаг...

9

В ночь
перед самым покушеньем,
Всем сердцем чувствуя страну,
Ульянов знал — одним сраженьем
Никак не выиграть войну.
Он понимал:
еще не скоро
Рабочий
плечи распрямит.
Пусть динамит
Бойцов террора
Сигналом первым прогремит...
О, как грешно
потребность гения
Себя нисколько не щадить —
С рациональной точки зрения —
Не оправдать,
а осудить!
А я,
юнец,
судил героя,
Пятерки в школе получал,
Как будто вправду знал
такое,
Чего он недопонимал.

Мол, царь остался на престоле.
Что изменилось?
Тот же строй.
А он, боец «Народной воли»,
В глухой земле,
В земле сырой...

10

А замечал ли ты,
читатель,
Что обыватель всех времен —
Он потому и обыватель,
Что свой талант
имеет он,
И в совершенстве им владея,
Нет, не спешит он в землю лечь,
В одном он
гения
умнее —
В умении себя беречь.
...Ульянов
перед покушеньем,
За час,
За полчаса, верней,
Последним
пользуясь
мгновеньем,
Работал
с дерзким упоеньем
В лаборатории своей.
С печатью гения рожденный,
Он умер,
как простой солдат.
В нем навсегда погиб ученый.
Но в этом он не виноват.

11

Как все,
купив билет у входа,
С детьми из ленинградских школ
Под петропавловские своды
Уже не в молодые годы
Воскресным утром
я вошел.

Отстав от палочки-указки
Экскурсовода моего,
Признаюсь,
я не без опаски
Входил
в ту камеру его.
Железный стол,
что в стену впаян,
Кровать железная черна,
И каменная,
неживая,
Всегда ночная
Тишина.
А тут к тому же так случилось,
Что в этой полумгле слепой
Неторопливо
дверь закрылась
За мною вслед сама собой.
И страх схватил меня под ребра,
Как будто загнан я сюда,
И эта дверь,
как крышка гроба,
За мной
закрылась
навсегда.

Обысканный
глазком конвоя,
Стою,
прижатый им
к стене,—
И унизительно чужое
Белье казенное на мне.
И липкий холод,
зябкий холод
Всего меня пробрал насквозь...
Скорей отсюда —
к людям
в город,
Ведь я здесь гость,
всего лишь гость!..
Иду,
прохожим рад,
как чуду,
Как пробужденью своему...
Я был
в той камере
минуту,
А как же было там ему!

12

В своем холодном каземате,
Спокойно зная, что умрет,
О матери,
О младшем брате
Он думал ночи напролет.

Володя сможет ли учиться?
А вдруг ему не разрешат?
Ведь он же брат цареубийцы,

К тому же висельника брат.
А он умен,
Он с даром божьим,
Хоть брат
Обрадовал бы мать!
Он мог бы стать
Врачом хорошим,
Известным адвокатом стать...

...В те дни студенческих каникул,
В последний раз
приехав в дом,
Привез
Ульянов-старший
книгу,
Как динамит,
опасный том.
Но чтоб до срока
юность брата
Не опалил грядущий гром,
Он «Капитал»
подальше спрятал,
Молчал
при брате
о своем.
Он, брат,
сам путь свой
выбрать волен,
Так пусть своим путем идет,
Пусть будет школьным,
Только
школьным
Его счастливый школьный год.

Они все лето вместе жили,
Дышали рядом в час ночной,

Играли в шахматы,
дружили,
Купались в августовский зной.
И младший брат
не мог заметить,
Что старший,
Сдержан, как всегда,
Готовый смерть на плахе встретить,
Как бы прощался с ним тогда...

13

В тюрьме
Он вспоминал все это —
Костры...
Володин хохоток...
Хоть тот
последний месяц лета
Для брата
светлым он сберег!
Но даже мысли о Володе,
О будущей судьбе его
Кончались
мыслью
о народе —
Она была больней всего.
Ложился,
снова поднимался
И думал,
не смыкая глаз:
В России
нет
пока что Маркса,
Но он родится,
русский Маркс!

В какой-нибудь глуши голодной,
Или в столице,
здесь,
где трон,
Родится он,
тот вождь народный,
А может быть,
уже рожден.
О, если б знал он,
что не где-то,
А вместе с мамой и сестрой
Живет
великий вождь,
и это —
Володя,—
брат его меньшой!
...Он умер
смело
и крылато.
Но он бы легче умирал,
Когда бы знал,
какого брата
Оставил он!
Но он не знал.
Не знал,
что в Смольном
в то мгновенье,
Когда был Зимний нами взят,
О нем
с тоской подумал Ленин:
Сегодня Саша был бы рад!

14

Брат Ильича,
                    в сраженье павший,
От рук немытых палача,
Ильич,
Ничем не запятнавший
Святое имя
                    Ильича!

15

Проспекта нету в Ленинграде,
Чтоб в честь его он назван был.
Да,
      вождь высоких слов о брате
С больших трибун не говорил.
И ничего здесь нету странного,
Что он молчал
                    о горе том,
Молчал
          о подвиге
                    Ульянова,
Как о себе
Молчал о нем.
Молчал,
Переживал утрату...
Но если Ленин жив сейчас,
Его любовь к герою-брату
Должна
          живою
                    быть для нас!

За вехой
вырастает
веха!
О, связь времен,
эпох
и дней,—
Два брата,
Как два разных века,
И все же нет родства родней!

О ТЕХ, КТО БРАЛ РЕЙХСТАГ

поэма

1

От всей войны,
от всех утрат,
От дымных ветров
Осталось
триста шестьдесят
Последних
метров.
Всего лишь
триста шестьдесят
До стен рейхстага.
Одна
атака
нам нужна,
Одна
атака.
Смертельных
триста шестьдесят.
А за плечами
Война,
огромная война
С ее боями,
И Сталинград,
и Ленинград
В крови
рассветов.
И вот —
лишь триста шестьдесят
Последних метров.
Они
свинцом
иссечены.
Ты
в этой схватке

Дойди
живым
до той стены.—
И все в порядке.
И ты
вернешься
в отчий дом
К жене
и детям,
Живи
хоть сотню лет
потом
На белом свете.

2

А враг
и вправду
озверел.
Ну, да —
еще бы!
Он
от отчаянья
так смел,
От смертной
злобы.
Вцепился
в горло кирпича,
Засел
в рейхстаге.
Животный страх,
страх палача
В его отваге.
Стране
измученной
своей

Вцепился
в горло,
Когда
он гнал
на фронт
детей
Жестоко,
подло.
Мне не забудется оно,
Нет,
не легенда,—
Документальное кино,
Дней
давних
лента,
Где Гитлер —
злой комедиант,
Что на парадах
Все клялся —
«Киндер!»
«Фатерлянд!» —
В своих тирадах.
С потухшим взглядом
мертвеца,
Вдоль всех
скользящим,
На гибель
отправлял
юнца
Перстом
дрожащим...
Перед историей
ответ
Теперь он
держит...

3

Гром канонады.
Свет
ракет.
И вой,
и скрежет.
Дождались бы
жена,
и мать,
И дочь в кроватке.
Как это страшно —
умирать
В последней схватке...
От всей войны,
от всех утрат,
От дымных ветров
Осталось
триста шестьдесят
Последних
метров.
Земля
вокруг
обожжена.
Бьют
минометы.
И каждый метр,
как вся война,
Ее
все годы.

4

Не так уж много
было их,

Тех,
что в атаку
В последний час,
в последний миг
Рвались
к рейхстагу,
Когда
жгли небо
добела
«Катюш»
расчеты.
Рейхстаг
не армия
брала —
Всего лишь
роты.
Броском,
ползком
они дрались
На смертной трассе.
Меж ротами
оборвались
Прожилки
связи.
Нет связи
ни с одним КП,
Нет
связи
с миром,
И каждый воин
сам себе
Стал командиром.
Он
под огнем
один за всех

Решал задачи,
Как полководец
и стратег
Своей удачи.
Да, по количеству солдат
Был штурм рейхстага
Не то,
что бой
за Сталинград.
И все ж, однако,
Сраженья
всей войны святой
Четырехлетней
Мы все вели
за этот бой,
Наш бой
последний:
Под Сталинградом,
и в Крыму,
И под Каховкой,
И были
залпы все
к нему
Артподготовкой.
И
все войска
вошли
в состав
Тех
рот
и взводов,
Святой
порыв свой
им
отдав

И мощь
походов.
И
даже тот,
кого наш враг
Считал
убитым,
К рейхстагу
рвался
в их
рядах
По камням
битым.
И
стали
тысячи
часов
Одним
мгновеньем,
Смертельных
тысячи боев –
Одним
сраженьем.
И всю войну
прошел солдат
Страны Советов
За эти
триста
шестьдесят
Последних
метров.

5

И вот
ворвался
он
в рейхстаг
Наш русский парень,
И снова
бой
за каждый шаг,
За каждый камень.
За каждый лестничный проем,
За каждый выступ,
Что,
словно крепость,
мы берем,
Идя на приступ.
Грохочут
залпы
тяжело,
Как брызги,
стекла...
Плечо
осколком
обожгло,
Кровь
хлещет
мокро.
Ни грамма ваты,
ни бинта,
И все ж —
да что там! —
Нет,
не оставит
он
поста

За пулеметом.
К стене
прижался
тем плечом,
Весь бел
под каской,
Зажата
рана
кирпичом,
Как перевязкой.
Он в тыл
отсюда
не уйдет
В час долгожданный.
И хлещет
жарко пулемет,
Как кровь
из раны.

6

Теперь
О самом дорогом —
О нашем Знамени Победы.
Ведь в каждом стяге полковом
Нам виделись
Его приметы.
И все ж мы верили молве,
Что не в Калуге,
Не в Рязани —
То Знамя
именно
в Москве
Шьют
из особой,

Дивной ткани.
Старались мы определить
В запале
нашей детской веры
И бахрому его,
и нить,
И грандиозные размеры.
Когда ж
мы вышли
на рейхстаг,
Когда рвались
к его колоннам,
Наш каждый взвод
Держал
свой флаг
Пока что скромно зачехленным
С надеждой тайной,
что в дыму,
В огне
израненной планеты
Случится
именно
ему
Стать
главным
Знаменем
Победы.
Сатин
тех рядовых знамен,
Как небывалая отвага,
Не к куполу
был прикреплен,
К колоннам
вражьего рейхстага.

Алели
флаги те в ночи,
Еще достойно не воспеты,—
Живые,
первые лучи
Большого
Знамени
Победы.
И
наконец
взошло
оно!
Над куполом
затрепетало,
Так высоко вознесено,
Что вся планета
увидала!
Казалось бы,
простой сатин,
А излучает
столько света.
Да,
после всех лихих годин
Как хороша
она —
Победа!

7

Когда
почти что весь рейхстаг
Мы с боя
взяли,
Когда,
как в преисподней,
враг

Засел в подвале,
Фашисты зданье подожгли,
Чтоб
стерло
пламя
Хотя б на день
с лица земли
Победы Знамя.
Горят
крепленья потолка,
Паркет,
бумаги.
Воды —
за сутки ни глотка,
Сухие
фляги.
Горят
шинели
до ремней,
Сукно
дымится.
Шнурки
обугленных
бровей,
В ожогах
лица.
Как выжить
в пламени
таком,
Где камень
плавится!
Руками голыми
с огнем
Попробуй
справиться!

Вздымалось
пламя
к потолку,
И шквал
пожара
Служил
прикрытием
врагу
Для контрудара.
Из каждой щели,
из двери,
Как бы по знаку,
Враги
снаружи
и внутри
Пошли
в атаку.
Приказ:
немедля
отступать,
Оставить
зданье,
Но
стяг Победы
как отдать
На поруганье!
Да,
отступали мы
не раз,
От дыма
седы,
Но отступить
бойцу
сейчас,
После Победы?..

Он
драться
будет
до конца,
Штыком,
гранатой,
В огне,
скрываясь от свинца
За мрамор
статуй.
При этом
шутит
за спиной
Вильгельма:
Мол,
заслоняй
меня
собой
От пули,
шельма!
У кайзера
нелепый вид,
Поскольку
косо
Немецкой пулею
отбит
Кусочек
носа.
...И выжил,
выстоял солдат
Страны Советов,
Прошедший
триста шестьдесят
Последних
метров.

8

Весь фронт
об этом говорил,
Дивился
диву,
Как рядовой боец
дарил
Часы
комдиву.
Часы
особые
притом,
Часы — трофеи,
Те, что хранятся
под стеклом
Теперь
в музее.
Не мог комдив Шатилов их
Себе
оставить,—
Смысл
государственный
был в них,
И смысл
и память!
Вот что поведал
нам комдив:
— Тот склад
с часами,
Точнее,
часовой архив
Был найден
нами.

Солдаты
в ставке
склад
нашли
И удивились:
Часы
давным-давно
не шли,
В шкафах
пылились.
Задумал
фюрер
их вручать
Своим воякам
В Москве.
И, надо полагать,
С почетным знаком.
Когда же
немцев
мы
в те дни
Остановили,
Остановились
и они,—
О них
забыли.
Теперь
никто
из тех господ,
Кто ждал
награды,
Их механизм
не заведет,—
Не те парады!
Не по эсэсовским часам.

В том суть,
что ныне
Они
достались
русским,
нам,
В самом Берлине.
Они
историей
сданы
В архив
в итоге,
Часы
проигранной
войны,
Как хлам
эпохи!

9

...Едва
отхлынул бой,
едва
Остыло
зданье,
В нем
в честь такого торжества
Шло
партсобранье.
Те
незабвенные
часы
Достойны
саги.

Вступали
в партию
бойцы.
И где?
В рейхстаге!
Пусть
красный стяг,
что реет тут,
Пусть
цвет Победы
Домой
отсюда
унесут
Их
партбилеты.
Рейхстаг
в развалинах,
в дыму,
В ожогах
лица...
Да,
есть за каждого
кому
Здесь
поручиться.
Солдат,
он так
отгоревал
За годы эти!
Однако
хлеб свой
отдавал
Немецким детям.
Те метры,
что прошел солдат

Для счастья наций,
Лежат,
как триста шестьдесят
Рекомендаций!

10

Стою
у сумрачных
колонн,
Огнем
омытых.
Звучит
сквозь годы
гимн
имен
На серых плитах.
«Мы из Москвы пришли сюда...»
«Мы из России...»
Фамилии
и города
Свои,
родные.
Они
коснулись
древних плит,
Как
мощных
клавиш,
И,
как орган,
рейхстаг
звучит,
И ты,
Германии
гранит,

Нас,
русских,
славишь!
Гранит
Германии,
ну что ж,
Не в той твердыне,
Еще
себя ты
обретешь
В ином
Берлине.
Во имя
лучших тех годов
Звучит,
как выдох,
Хорал
имен
и городов
На серых плитах.

ПЕСНИ

СТРАНА ОКТЯБРЯ

Страна Октября,
Победная,
Ты наша любовь
Заветная,
Ты то нам дала,
Отчизна-мать,
Что только ты одна
Могла нам дать.
Дала ты нам ширь
Раздольную,
Дала ты нам жизнь
Достойную.
Нам веру дала
В грядущий день,
В счастливый день
Человечества.

Отчизна,
Нам радостно жить
Твоими большими
Заботами.
Ты учишь
Нас верно дружить
Со всеми земными
Народами.
Друзьям
Ты поможешь всегда,
До них
Твоя правда
Дотянется,
Святая
Твоя доброта,

Как подвиг,
Навеки останется!

В твой праздничный
День рождения
Мы славим твои
Свершения,
Мы славим года
Твоих побед,
Твой мирный герб
Достиг
Иных планет.
Клянемся
Высокой клятвою,
И песней своей,
И жатвою,
Клянемся
Всегда беречь тебя,
Любить тебя,
Наша Родина!

Отчизна,
Нам радостно жить
Твоими большими
Заботами.
Ты учишь
Нас верно дружить
Со всеми земными
Народами.
Друзьям
Ты поможешь всегда,
До них
Твоя правда
Дотянется,
Святая

Твоя доброта,
Как подвиг,
Навеки останется!

РЕВОЛЮЦИИ НАШЕЙ КОСТРЫ

Разгорались,
Горели костры,
Согревая усталых солдат,
Что из боя
С победой
Пришли,
Когда Зимний
Был приступом
Взят.

Никогда,
Никогда,
Никогда
Не забыть
Той далекой поры,
Никогда,
Никогда,
Никогда
На земле
Не погаснут костры,
Костры нашей правды,
Свободы
И счастья,
Революции нашей костры.

Шли враги
На родной Петроград,
Но не дрогнули

В битвах посты,
И прорвали
Все кольца блокад
Революции нашей костры.

Никогда,
Никогда,
Никогда
Не забыть
Той далекой поры,
Никогда,
Никогда,
Никогда
На земле
Не погаснут костры,
Костры нашей правды,
Свободы
И счастья,
Революции нашей костры.

Как мы любим
Их пламенный свет,
Свет
Любимой Отчизны моей!
Не бывало
Вовеки костров,
Чтоб теплей
Согревали людей!

Никогда,
Никогда,
Никогда
Не забыть
Той далекой поры,
Никогда,

Никогда,
Никогда
На земле
Не погаснут костры,
Костры нашей правды,
Свободы
И счастья,
Революции нашей костры.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Наш съезд...
Его партийные слова
Мы подтвердим
великими делами,—
Они
пшеницей
встанут
над полями,
Как символ
трудового торжества.
Его слова —
кипение металла
И новых
светлых зданий
этажи.
Да, Партия -
всех наших дел
начало.
Все стройки века —
плоть ее души.
И думая о том,
что будет завтра,

Мы говорим с волненьем
в этот час:
Ты, Партия,
одна у нас,
как правда,
Ты, Партия,
как жизнь,
одна у нас.
От стен Кремля
До самых дальних мест
Все громче,
шире
С каждым днем и часом
Народ наш
Славит
двадцать пятый
съезд,
Его могучий
коллективный
разум.

Я ВЕРЮ

Покуда солнце
людям светит
С небесной выси голубой,
Не верю я,
чтоб жизнь на свете
Сама
покончила
с собой.
Нет,
я не верю в гибель мира
В кромешной атомной золе,

Чтоб ни Толстого,
ни Шекспира
И ни травинки
на земле.
Я верю
в разум человека,
В его порыв
дружить,
любить,
В потребность
тихого ночлега
И в жажду строить
и творить.
В его возвышенные чувства,
И дерзкой мысли торжество,
В его науку
и искусство,
В него
и больше ни в кого!
Я верю
верой беспредельной,
Она живет в моей крови,
Я верю
песне колыбельной
И первой
бережной любви.
Я в нашу память
верю свято,
Она сердца доныне жжет,
Она гремит
грозней набата
И от войны
нас бережет.
Я верю
верою заветной,

Она,
как мать,
мне дорога,
Я верю в то,
что флаг рассветный
Взошел
над миром
на века.
Ничем
той веры
не измерить,
Никак ее не сокрушить.
Пока живу,
я буду верить,
Пока я верю —
буду жить!

КНИГА РОДИНЫ

Есть книга
правды
и свободы.
Вся наша жизнь —
ее слова.
Запечатлели
в ней народы
Свои
священные
права.
Она
под необъятным небом
Лежит
державно широка!

В краях советских,
где б ты ни был,
Прочтешь ее наверняка.
Прочтешь
в полях
по зорям тихим,
В цехах,
где жарок ход минут.
Ее поэзию
ткачихи
Руками
собственными
ткут.
Той книги
солнечные строки
Лежат
пред нами,
как дороги,
Зовут
на подвиг
и на труд.
Возьми,
товарищ,
книгу эту,
Где герб наш
золотом
расшит.
Как песнь
заветная
поэту,
Она тебе принадлежит.
И для Отечества родного
По зову
творческой души

Впиши в нее
хотя б полслова,
Верней,
всю жизнь
в нее впиши!

ПЕСНЯ ВСТРЕЧИ

Край моих
Дорогих и родных друзей,
Я влюблен
В белый хлопок твоих
Полей,
Высоко
Надо мной облака плывут,
Знаю я,
Что они на земле
Растут,
На земле твоей.
Мой Узбекистан,
Хлопка белизна,
Добрая страна,
Светлая страна,
Мой Узбекистан,
Ты мой друг
И брат,
Дружбою твоей
Я богат.
Славный край,
Славный край трудовых людей,
Я влюблен
В спелый колос твоих
Полей.

**И когда
Солнце в небе степном
Встает,
Верю я,
Что оно на земле
Растет,
На земле твоей.
Мой Узбекистан,
Золото хлебов.
Гостю ты всегда
Даришь теплый кров,
Мой Узбекистан,
Ты мой друг
И брат,
Дружбою твоей
Я богат.
Я богат
Звонким смехом твоих
Детей,
Я богат
Ясным блеском ночных
Огней.
Их не счесть,
И улыбок твоих
Не счесть.
Я богат
Каждым мигом,
Что прожил здесь,
На земле твоей.
Мой Узбекистан,
Хлопка белизна,
Добрая страна,
Светлая страна,
Мой Узбекистан,
Ты мой друг**

И брат,
Дружбою твоей
Я богат!

ПЕСНЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

— Ой, куда летишь ты,
Птица,
Из родимого гнезда,—
Может все в пути случиться,
Грянет буря —
Что тогда?

— Что б со мною ни случилось,
Улечу я далеко,
Я затем
На свет родилась,
Чтоб подняться высоко.

Улечу
Легко и вольно,
Не могу
Иначе жить,
Не могу я
Добровольно
Крылья сильные сложить!

Разверну
Я их пошире,
Улечу
На дальний юг...
Ждут меня
Пути большие,
Не отстану
От подруг.

Но отсюда улетая,
Я оставлю
Сердце здесь.
Есть у птиц
Земля родная,
И у птиц —
Отчизна есть!

Не забуду
Горы,
степи,
Возвращусь
В свои края.
Родила́сь я
Не на небе,
На земле
Роди́лась я.

ПОЛУСТАНОК «МИНУТКА»

Какой, скажите, странник,
Что здесь обрел привал,
Минутный полустанок
«Минуткою» назвал?
И вот стоит «Минутка»
Навечно,
на года,
Идут, проходят мимо
«Минутки» поезда.

Полустанок «Минутка».
Ярко окна зажглись.
Для меня он — минутка,
Для кого-то — вся жизнь.

Конечно, на планете
Путей-дорог не счесть,
Но хорошо, что все же
«Минутка» эта есть.
У хат сидят старухи,
Сирень в садах цветет.
Как раз в минуту эту
Девчонку парень ждет.
Пусть тихий полустанок
Ничем не знаменит,
Но все ж в часах державы
Минутка та стучит.
Там лихо пляшут свадьбы,
Живут там до ста лет,
Как раз в минуту эту
Рождаются на свет.
    Полустанок «Минутка».
    Ярко окна зажглись.
    Для меня он — минутка,
    Для кого-то — вся жизнь.

ЭТО ОНА, ПОБЕДА!

Сколько весен прошло,
Будет
    людям
        светло —
Вечно
    будет
        светить
Светоч земли —
            Победа!

Помни,
    помни о том —

Звезды,
что над Кремлем,
Дальних сел огоньки —
Это она,
Победа!
Слышится,
Слышится
Из тишины
Дальняя,
Грозная
Поступь войны.
Сердцем
слышат
солдаты
Славы нашей раскаты.
Каждый день,
Когда встает рассвет,
Горит
Победы
свет!

Каждый нынешний час,
Мирный БАМ и КамАЗ,
Детский радостный смех —
Это она,
Победа!
Знали
наши отцы,
Славной битвы бойцы:
Людям
будет
светить
Дар их святой —
Победа!

ДЕТИ ПАВШИХ БОЙЦОВ

Сколько лет вам теперь,
Детям
павших
бойцов?
Вы теперь
старше нас,
Старше
ваших отцов.
Вас таскать на плечах
Нам,
отцам,
не пришлось...
Только в письмах от жен —
Прядки
детских волос.
Мы погибли в бою,
Оставляя сирот,
Для того,
чтоб спасти
Вас,
сирот,
От бомбежек,
от пуль,
от невзгод.
Нам
юнцами
в бою
Довелось умереть,
Чтоб
на снимках
теперь
Никогда
не стареть.

Вы все годы
росли
Без тепла наших глаз,
Но мы все,
что могли,
Совершили для вас.
Что ни день,
что ни час,
Дети павших бойцов,
Вы теперь
старше нас,
Старше ваших отцов.

ВЗРОСЛЫЕ ДОЧЕРИ

Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Выросли вы невзначай.
В детстве вам матери
Счастье пророчили,
Прочь отводили печаль.
Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Выросли вы невзначай.

Только бы не были
Вы одинокими
После разлук и утрат.
Часто мужчины вас
Любят нестрогими,
В жены — лишь строгих хотят.
Только бы не были
Вы одинокими
После разлук и утрат.

Дочери, дочери,
Взрослые дочери,
Нежим мы вас, как детей,—
Только бы жили вы,
Взрослые дочери,
Лучше своих матерей!
  Дочери, дочери,
  Взрослые дочери,
  Нежим мы вас, как детей.
Нас наша молодость
В годы военные
Долго ждала, заждалась,
Может, поэтому
Очень нам хочется
Видеть счастливыми вас.
  Дочери, дочери,
  Очень нам хочется
  Видеть счастливыми вас.

ПЕСНЯ РЫБАЧКИ

Из комедии «Терезина»

Успокоился утренний ветер,
Облака разбрелись
По домам,
Наш рыбачий баркас
На рассвете
Полным ходом идет
К берегам.
И на палубе,
Вымытой ливнем,
Хорошо нам с тобою стоять,

Хорошо нам с тобой
После бури ночной
Песней
Раннее солнце
Встречать.

Здравствуй, солнце!

В этот час
Еще спят сеньориты
После праздничных
Шумных ночей.
Их высокие окна
Закрыты
Для веселых
Рассветных лучей.
Это счастье
Не знать им вовеки.
Надо быть
Лишь рыбачкой простой,
Чтоб, промокнув насквозь,
После яростных гроз
Встретить солнце,
Любимый,
С тобой!

Здравствуй, солнце!

ОФИЦЕРЫ ЗАПАСА

В офицерской столовой товарищи
Нас с тобой провожают в запас.
Эта жизнь была нашей вчера еще,
А сегодня — подписан приказ.

Покидаем родной гарнизон,
Но до самого смертного часа,

Нет, не сложим мы крылья
Армейских погон,
Офицеры запаса.

Мы и вправду в полку долгожители,
Это надо, мой друг, понимать.
Четверть века носили мы кители,
Как ни грустно, пора их снимать.

Покидаем родной гарнизон,
Но до самого смертного часа,
Нет, не сложим мы крылья
Армейских погон,
Офицеры запаса.

Для себя мы не требуем многого,
Только верьте, товарищи, в нас,
Ведь от нашего долга высокого
Никогда не уйти нам в запас.

Покидаем родной гарнизон,
Но до самого смертного часа,
Нет, не сложим мы крылья
Армейских погон,
Офицеры запаса.

ПЕСНЯ СОВЕТСКОГО ЦИРКА

Есть такая на свете страна
Где всегда
Чудеса совершаются.
Называется
Цирком она,
Вечно юной
Она называется.

П р и п е в:

Советский цирк —
Страна чудес,
Страна с открытыми границами,
Где все добры,
Где слышен смех,
Где нет людей с нахмуренными лицами.

В той стране
Нету слабых людей,
С детских лет
Все привыкли к опасному,
Учат в ней
Даже хищных зверей
Доброте,
трудолюбию,
разуму.

П р и п е в.

И торжественно веет над ней,
Осеняя
Искусство народное,
Знамя дружбы
И светлых идей,
Негасимое
И путеводное.

П р и п е в:

Советский цирк —
Страна чудес,
Страна с открытыми границами,
Где все добры,
Где слышен смех,
Где нет людей с нахмуренными лицами.

ЕСЛИ ЭТО ЛОЖЬ

Из комедии «Две женщины и зависть»

Как же мне тебя
Теперь
Любить,
Как твои слова
Простить
Или забыть?
Ты или не ты
Была со мною?
И чем же пред тобою
Я виноват?
Со мною ты чужая,
Далекая такая,
Совсем, совсем другая,
Чем была
Час назад.
Был наш первый снег.
Из всех снегов
Самый чистый снег
И была любовь.

Что ж,
Если это ложь,
Значит,
Первый снег —
Это тоже ложь!
Что ж,
Если это ложь,
Значит,
Солнца свет —
Это тоже ложь!
Мне говорили

Горячие,
Нежные руки твои,
Мне говорили
Глаза твои
О любви,
О любви.
Что ж,
Если это ложь,
Если это ложь...
Верить,
Как тебе мне верить!
Но зачем мне жить тогда,
Если не верить.

Я б тебя забыл,
Но как забыть?
Не хватает сил
Тебя мне разлюбить.
Я б тебя простил,—
Мол, все бывает!
Сил мне не хватает
Тебя простить.
А в окнах
Снежинки
Ложатся на тропинки,
Они слетают с неба,
Как слова
О тебе.
Был наш первый снег.
Из всех снегов
Самый чистый снег,
И была любовь.

Что ж,
Если это ложь,

Значит,
Первый снег —
Это тоже ложь!
Что ж,
Если это ложь,
Значит,
Солнца свет —
Это тоже ложь!
Мне говорили
Горячие,
Нежные руки твои,
Мне говорили
Глаза твои
О любви,
О любви.
Что ж,
Если это ложь,
Если это ложь...
Верить,
Как тебе мне верить!
Но зачем мне жить тогда,
Если не верить.

РАВНОДУШИЕ

Меня к другим ты ревновала
И даже плакала не раз.
Так почему ж со мной ты стала
Такой спокойною сейчас?

Уже ты можешь даже это —
Ты можешь быть со мной добра.
Какая страшная примета.
Ходи один хоть до утра.

Брожу один порой ночною,
Дышу тревожной тишиною.
За то, что ты добра со мною,
За то, что ты добра со мною,
За то, что ты добра со мною,
Кого же мне, кого же мне благодарить?

Меня встречаешь молчаливо,
За опозданье не виня.
Уж лучше б ты несправедливо
Вдруг отвернулась от меня.

Был пред тобой за все в ответе,
Теперь мне все прощаешь ты,
Нет ничего страшней на свете,
Чем равнодушье доброты.

Брожу один порой ночною,
Дышу тревожной тишиною.
За то, что ты добра со мною,
За то, что ты добра со мною,
За то, что ты добра со мною,
Кого же мне, кого же мне теперь винить?

ДОЧКА

Сколько их на свете одиночек,
В горе поседевших матерей,
Любящих своих нарядных дочек
Всей судьбой несбывшейся своей.

Всей своею женскою бедою,
Той, что невозможно позабыть,
Матери с удачливой судьбою
Дочерей не могут так любить.

Жизнь, она должна быть справедливой,
Пусть когда-то счастьем обошла.
Дочка, дочка,
Будь хоть ты счастливой,
Если мать счастливой не была.

Что от жизни у нее осталось —
Лишь твоя судьба
                    в ее судьбе,
Будь счастливой.
Это ей под старость,
Может быть, нужнее, чем тебе.

ГИМН МОЛОДЫМ

Светится невеста,
Словно лилия,
С ней сидит жених
В кругу родни.
Станет
Наша Родина
Счастливее,
Если будут счастливы
Они.

Всю бы страну
Сюда
Созвать бы
В этот прекрасный час,
Друзья.
Ничего нет в мире
Лучше свадьбы,
Даже, если свадьба
Не твоя.

Вот она руки его
Касается,
Вот коснулся он
Девичьих уст,
Сил
У нашей Родины
Прибавится,
Если будет крепок
Их союз.

Всю бы страну
Сюда
Созвать бы
В этот прекрасный час,
Друзья.
Ничего нет в мире
Лучше свадьбы,
Даже если свадьба
Не твоя.

Пусть им
шлют
заставы
поздравления.
К ним
плывут
навстречу
корабли,
Словно гимн
Державного значения,
Пусть
звучит
сегодня
гимн любви!

Всю бы страну
Сюда
Созвать бы
В этот прекрасный час,
Друзья.
Ничего нет в мире
Лучше свадьбы,
Даже если свадьба
Не твоя!

АЭРОДРОМНАЯ ПЕСЕНКА

Пусть в любое время года
В зной
И в холод,
В дождь
И в снег
Будет летная погода
Для твоих стремлений всех.

И пускай нас уносят в полеты,
Пусть уносят
На север и юг,
Птицы встреч и разлук –
самолеты,
Птицы встреч и разлук.

Расставанья,
Расставанья,
Как от вас
Себя беречь?
Да к тому ж
Вы — обещанья,
Обещанья новых встреч.

И пускай нас уносят в полеты,
Пусть уносят
На север и юг,
Птицы встреч и разлук —
самолеты.
Птицы встреч и разлук.

СИНИЕ КРЫЛЬЯ МОРЕЙ

Из кинофильма
«Посейдон» спешит на помощь»

Палуба,
Палуба,
Здесь ты мой дом
Столько бесчисленных дней.
Волны летят
И летят
За бортом —
Синие крылья морей.

В самых отчаянных
Был я штормах.
Здесь находил я
Друзей.
Я полюбил
Ваш могучий размах —
Синие крылья морей.

Нет,
Мне не надо
Дороги иной,
Здесь становлюсь я
Сильней,

Только б росли
И росли
За спиной
Синие крылья морей.

ДРУЖБА БЕЗ ГРАНИЦ

Есть на земле
Священные границы,
Но пограничных
Нет на них солдат.
Через границы те
Бежит волной пшеница,
На них
        в обнимку
Яблони стоят.

Ты их пройдешь
И даже не заметишь,
Что на другую
Землю ты пришел.
На всем пути
Друзей хороших встретишь
Из кишлаков,
                станиц,
Из дальних сел.

Тебе мила
Украинская мова,
Напев зурны,
Сибирские края.
Пусть ты из Минска
Или из Ростова,

Но здесь
все та же
Родина твоя!
Здесь будет с кем
И думой поделиться,
И с песней
Вдоль по улицам пройтись.
Есть на земле
Священные границы.
И есть на свете
Дружба
без границ!

НЕ ПОРА ЛИ ТЕБЯ МНЕ БЕРЕЧЬ

Матери моей Алевтине Павловне Доризо

Молодую хозяйку привел я в твой дом,
Был я молод тогда и упрям.
Если ссорился с ней, забывал я о том,
Что тебе тяжелее, чем нам.

От тебя я в беде утешения ждал,
Даже если беда и мала.
Успокоен тобой, я легко засыпал,
Ты же, мама, уснуть не могла...

Хоть за то, что седая твоя голова,
Не себя ли я должен винить?
Может быть, потому до сих пор ты жива,
Что не можешь мне боль причинить!

Я к тебе не приду ни с какою бедой,
Непосильной для старческих плеч.

Ты всю жизнь берегла, берегла мой покой,
Не пора ли тебя мне беречь!

СПАСИБО, ПЕСНЯ!

Спасибо,
песня,
Что во мне
Ты
зазвучала
И что со мной
наедине
Была
сначала,
И что хоть сам я
безголос,
Но волей зова
Мне
самым первым
довелось
Петь
твое слово.
Да,
мне гордиться
не грешно,
Могу
гордиться
Тем,
что мне было
суждено
С тобой
родиться.
Мою любовь к тебе
прими

Не ради славы.
Ведь ты
родништь
меня с людьми
Моей державы.
Ты
к ним
без стука
входишь
в дом
Со мною вместе,
За всех друзей
в краю любом
Спасибо,
песня!

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕСНИ

Николай Константинович Доризо

ПОКА ДЕРЕВЬЯ ЕСТЬ НА СВЕТЕ

Редактор **Ф. И. Чуев**
Художественный редактор **Н. Д. Викторова**
Технический редактор **Р. Д. Каликштейн**
Корректор **Л. В. Конкина**

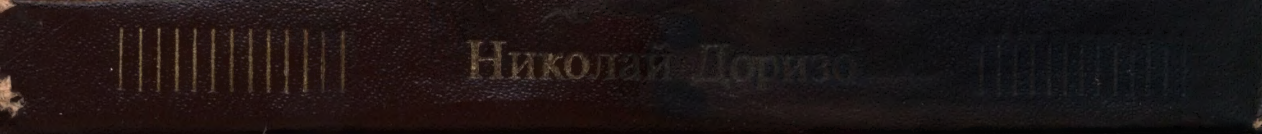
ИБ № 3617

Сдано в набор 28.07.83. Подписано в печать 09.02.84. Формат 70×90[1]/32. Бумага типогр. № 1. (на вкл.— мелован.) Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 11,18 (в том числе вкл.—0,07). Усл. кр.-отт. 11,11. Уч.-изд. л. 13,0 (в том числе вкл.—0,02). Тираж 75 000 (II зав. 25001—75000) экз. Заказ № 487. Цена 1 р. 50 к. Изд. инд. ЛХП — 179.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Набрано способом фотонабора и отпечатано с фотополимерных форм в Сортавальской книжной типографии Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Сортавала, ул. Карельская, 42.

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

Николай Доризо